947.08
B-573

947.08
B 573.

4853

14

КО
п 84 г.
На домъ не выдается

В. Владиміровъ.

Марія Спиридонова.

Съ портретомъ и рисунками.

съ предисловіемъ

отъ

союза равноправія женщинъ.

53585
49 г.
947.08
В573
Центральн
Книгохранилище
Моск. Обл. Б-ки
№ 48536
Московская Центральная
Публичная Библиотека

МОСКВА
Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.
1906

Марія Александровна

Спиридонова.

В. Владиміровъ.

Марія Спиридонова.

Чайка.

...На чистомъ тѣлѣ слѣдъ нагайки,
И кровь на мраморномъ челѣ...
И крылья вольной бѣлой чайки
Едва влачатся по землѣ...

Она парила гордо, смѣло,
И крыльямъ нуженъ былъ просторъ...
Но—вотъ, въ грязи трепещетъ тѣло,
И вольной птицы меркнетъ взоръ...

Крыло безжалостно измято —
Полета гордаго краса...
Но сердце чисто... сердце—свято...
И рвется... рвется въ небеса...

Крыло измято... Но бѣлѣетъ
Какъ горъ высокихъ чистота...
И лишь одно пятно алѣетъ —
Пятно отъ дерзкаго кнута...

Она кружилась въ вихрѣ бури...
Погибшей, ей не увидать,
Когда надъ моремъ лучъ лазури
Сверкнетъ, какъ божья благодать...

Душа погибла въ непогоду...
Погибла въ мрачной темнотѣ—
За меньшихъ братьевъ, за свободу
Распятой жертвой на крестѣ...

М. Волошинъ.

Марія Александровна

Спиридонова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Слыхалъ ли когда-нибудь міръ такую женскую повѣсть? Не кажется ли при чтеніи этихъ страшныхъ страницъ, что кошмаръ русской дѣйствительности затмилъ своими ужасами эпохи величайшихъ жестокостей? — Но общество не даетъ безнаказанно попирать свои права: въ моменты высочайшаго отчаянія оно рождаетъ героевъ. Русское правительство, за послѣднее время особенно усердно пополняющее и безъ того богатый славными именами мартирологъ русскихъ борцовъ за свободу, внесло въ него еще одинъ безцѣнный вкладъ — имя Маріи Спиридоновой. Эта дѣвушка не хотѣла, не могла жить, если жизнь была торжествомъ того произвола, представителемъ котораго являлся Луженовскій. Она увидѣла окровавленные, безформенные останки его жертвъ, она увидѣла мужиковъ, которые сошли съ ума отъ его звѣрствъ, безумную старуху-мать, пятнадцатилѣтняя дочь которой бросилась въ прорубь послѣ казацкихъ ласкъ. Эти жертвы властно звали ее совершить актъ возмездія... И, покорная ихъ голосу, съ полнымъ сознаніемъ правоты своей миссіи, Марія Спиридонова казнила Луженовскаго. За свое право

она была готова отдать свою жизнь. Но палачамъ было этого мало: они хотѣли взять у нея не одну, а десять жизней, и, убивъ ее много разъ, они въ концѣ-концовъ съ звѣрскимъ издѣвательствомъ держали надъ ея головой якобы неразрѣшеннымъ вопросъ о жизни или смерти. Но ничѣмъ не сломили они ея духа, не угасили ея геройства. — «Я спокойна, я счастлива», пишетъ она и теперь еще изъ тюрьмы. И растетъ въ нашихъ глазахъ образъ этой юной дѣвушки и невольно сливается съ могучимъ образомъ всей Россіи, поруганной и окровавленной, но попрежнему сильной, гордой и счастливой готовностью своихъ дѣтей жить и умирать за великую идею грядущаго справедливаго строя.

Всероссійскій Союзъ равноправія женщинъ.

Приговоръ Спиридоновой.

Сегодня, 12-го марта, Спиридонову извлекли изъ тюрьмы, гдѣ ее держали, пока она могла стать на ноги послѣ звѣрскихъ пытокъ отъ рукъ Аврамова и Жданова, судили въ военномъ судѣ и приговорили къ повѣшенію, но нашли смягчающія обстоятельства для замѣны смертной казни каторгой, о чемъ и представлено вр. тамбовскому генералъ-губернатору, ген. Клаверу.

Будетъ ли помилованіе, или ген. Клаверъ пожелаетъ подражать адм. Чухнину?

Полагаемъ, каково бы ни было рѣшеніе ген. Клавера, Спиридонова не можетъ быть казнена до суда надъ Аврамовымъ и Ждановымъ. Убрать главную, убійственную для нихъ свидѣтельницу и потерпѣвшую—это значило бы явно расписаться въ томъ, что *ихъ* процессъ не можетъ не быть проигранъ, что только путемъ немедленнаго устраненія Спиридоновой навсегда можно затемнить ужасную правду, и крѣпкимъ узломъ завязать глаза правосудію!..

Спиридонова, какъ разсказываетъ ниже г. Владиміровъ, до такой степени готовилась къ смер-

ти. что сама себя выдала своимъ крикомъ послѣ покушенія на Луженовскаго — «разстрѣливайте меня!» Къ смерти она готовилась и, сколько извѣстно, готова. Но ея жизнь нужна даже и формальному правосудію, по крайней мѣрѣ до процесса Аврамова и Жданова.

Не говоримъ уже о правосудіи высшемъ, вѣчномъ! Если даже военный судъ нашелъ «смягчающія обстоятельства», то съ точки зрѣнія правосудія высшаго вина Спиридоновой уже искуплена, можетъ быть, ея ужасными муками, ея пыткой...

Редакція газ. „Русь“.

Отъ автора.

Я встрѣтилъ въ Тамбовѣ того человѣка, которому было поручено поѣхать въ Москву и опубликовать первое письмо Маріи Спиридоновой въ одной изъ московскихъ газетъ, которая согласилась бы напечатать его.

Онъ обращался ко всѣмъ передовымъ московскимъ редакціямъ, и отовсюду получалъ отказъ. Одна изъ самыхъ храбрыхъ газетъ предложила ему сдѣлать выборки изъ письма и представить ихъ за своей подписью.

Когда онъ исполнилъ это, редакція все-таки, послѣ обсужденія, отказалась печатать

И только послѣ того, какъ письмо попало къ одному изъ сотрудниковъ «Руси», это страшное дѣло стало достояніемъ всего общества.

Для раскрытія преступленія во всемъ его объемѣ, въ виду появившихся нападокъ реакціонной печати, утверждавшей, что письмо написано въ бреду, подъ вліяніемъ психоза, мнѣ было поручено редакціей «Руси» поѣхать на мѣсто происшествія и разслѣдовать это дѣло.

Въ предлагаемой читателю книгѣ статьи, напечатанныя въ газетѣ «Русь» за мартъ и апрѣль мѣсяцы, вновь пересмотрѣны и обработаны, кромѣ того, дополнены полученными изъ Франціи письмами; нѣкоторыя изъ послѣднихъ уже были напечатаны во французскихъ газетахъ, другія же появляются впервые.

В. Владиміровъ.

ГЛАВА I.

Опять я въ роли слѣдователя!

Закончивъ разслѣдованіе дѣйствій карательнаго отряда семеновскаго полка по московско-казанской желѣзной дорогѣ, я получилъ предложеніе отъ редакціи „Руси“ произвести таковое же разслѣдованіе по дѣлу истязанія Маріи Александровны Спиридоновой казачьимъ офицеромъ Аврамовымъ и помощникомъ пристава Ждановымъ, для чего въ тотъ же день выѣхалъ въ Тамбовъ.

Въ этомъ городѣ, гдѣ въ настоящее время заключена въ тюремномъ острогѣ Спиридонова, мнѣ пришлось встрѣтить большія затрудненія въ производствѣ разслѣдованія, въ виду того, что до сего времени городъ Тамбовъ находится на военномъ положеніи, по улицамъ всюду разъѣзжаютъ блюстители порядка—казаки, напоминая своимъ видомъ мирнымъ обывателямъ, что „всевидящее око“ не дремлетъ. У всѣхъ еще живо стоятъ въ памяти разстрѣлянные въ сочельникъ на тюремномъ дворѣ, подъ окнами политическихъ заключенныхъ, рабочіе Катинъ

Центр... книгохр...

и Кузнецовъ, лишенные права апеллировать. До сихъ поръ помощникъ пристава Ждановъ появляется по ночамъ въ квартиры мирно почивающихъ гражданъ Тамбова, производитъ обыски, арестуетъ, позволяетъ всякія грубости, ругательства и наводитъ ужасъ на жителей.

Всѣ эти данныя, волнуя и раздражая общество, въ то же время заставляютъ людей быть крайне осторожными, недовѣрчивыми. Каждое слово говорится съ опаской да съ оглядкой. Когда меня принимали лица, искренно желавшія познакомить съ фактической стороной дѣла и освѣтить весь ужасъ безчеловѣчности и жестокости, совершенныхъ надъ Спиридоновой, то они тщательно запирали двери и просили не садиться близко къ окну. Часто заглядывали сами въ окна, въ ожиданіи, не пройдетъ ли сыщикъ, шпіонъ; просили меня не нанимать извозчика около дома, а пройти кварталъ, другой пѣшкомъ.

Въ одной квартирѣ, гдѣ мнѣ пришлось бесѣдовать со старушкой, у которой дѣлался недавно Ждановымъ обыскъ, я натолкнулся на трогательное признаніе того ужаса, который переживаетъ она каждый разъ, когда приходитъ къ ней незнакомый человѣкъ и заводитъ рѣчь о Ждановѣ и Спиридоновой.

— Дорогой мой, вотъ вы пришли, а поглядите мои руки—холодны, какъ ледъ. Я вся трясусь, какъ въ лихорадкѣ. Я такъ боюсь, когда ко мнѣ кто-нибудь приходитъ и заводитъ объ этомъ рѣчь. Хорошо, я вамъ разскажу все, все,

что знаю, только, умоляю васъ, уйдите скорѣе, и... и больше не приходите!..

Когда я замѣшкался въ передней и продолжалъ бесѣдовать съ другой женщиной, старушка не вытерпѣла, вышла тоже въ переднюю и кроткимъ голосомъ укоризны обратилась ко мнѣ: „Вы все еще не ушли? Ну, когда же уйдете, дорогой мой, идите скорѣе! Вѣдь вы уморите меня, старуху!..“ Потомъ, оглянувшись, вглядѣвшись въ окошко, съ ужасомъ всплеснула руками и вскрикнула: „Батюшки мои, свѣты! Шпіонъ идетъ!.. Спрячьтесь скорѣе въ чуланъ, сюда! Скорѣй, скорѣй!..“

Жалко было видѣть несчастную старушку, приходящую въ ужасъ отъ каждаго незнакомаго лица, проходящаго мимо оконъ. Я пробовалъ ее успокоить, но это оказалось невозможнымъ, и я поторопился уйти.

Эта наглядная картина съ натуры покажетъ читателю, при какихъ трудныхъ условіяхъ приходилось разслѣдовать это ужасное злодѣяніе. Несмотря на описанныя условія, мнѣ удалось видѣть нѣкоторыхъ лицъ и получить очень цѣнныя показанія.

Въ виду того, что въ газетѣ «Русскія Вѣдомости» отъ 25 февраля было сказано, «что военное вѣдомство просило министерство внутреннихъ дѣлъ препятствовать преждевременному оглашенію подробностей истязанія Спиридоновой, въ видахъ огражденія обвиняемыхъ двухъ офицеровъ отъ нападокъ, если бы возбужденное противъ нихъ обвиненіе оказалось не-

соотвѣтствующимъ истинѣ», всѣ свидѣтели просили меня не называть ихъ фамилій и тщательно скрыть ихъ участіе въ раскрытіи совершеннаго преступленія. Поэтому я буду излагать всѣ факты и свѣдѣнія безъ указанія и ссылокъ на лицъ, давшихъ ихъ мнѣ.

4-го февраля было впервые разрѣшено свиданіе Маріи Александровны съ матерью, и послѣ этого до сего времени свиданія не повторялись. Такъ какъ дочь была очень больна и не могла вставать, то старушку-мать повели въ камеру къ заключенной.

Мать ничего не знала, что дочь больна, правда, ходили слухи, и до нея дошли, что дочь подверглась большимъ истязаніямъ со стороны Аврамова и Жданова, но она отчасти не вѣрила, или, лучше сказать, не хотѣла вѣрить.

Когда отперли желѣзную дверь камеры и желѣзный засовъ повернули на ржавыхъ петляхъ съ холоднымъ лязганьемъ металла, глазамъ матери представилась страшная картина: на полу, въ углу комнаты, лежитъ ея дочь Маруся! Ея славная Маруся, крошка, ея любимица! Голова безъ движенія покоится на подушкѣ, обложенная компрессами. На глазу тоже компрессъ. Она не шевельнулась, когда въ ея камеру вошелъ жандармскій офицеръ въ сопровожденіи тюремнаго смотрителя. Мать неподвижно оставалась стоять на порогѣ, не смѣя нарушить гробового покоя могильнаго склепа. Въ душѣ ея воцарился ужасъ. Что съ Марусей? Почему она на полу? Почему ея чудная, красивая головка обло-

жена компрессами? Что это значитъ!? Кто скажетъ ей, объяснитъ настоящую причину?... Увы! Отвѣта не было! Значитъ, все это вѣрно—пронеслось въ головѣ матери. Значитъ, эти слухи про истязателей, мучителей, Аврамова и Жданова, вѣрны! Вѣдь съ момента ея ареста до этого свиданія прошло 17 дней; значитъ, въ продолженіе семнадцати дней несчастная дочурка безъ движенія, безъ помощи, лежала на полу, не будучи въ состояніи поднять даже головы отъ подушки.

Значитъ, хорошо поиздѣвались надъ нею эти подонки ненасытной преступности, эти гнусные рыцари уголовныхъ дѣяній, что за 17 дней лѣченія она не въ состояніи отнять голову отъ подушки. Какой ужасъ! Какое звѣрство! Гдѣ предѣлы преступности?

Бѣдная мать тихо приблизилась къ лицу дочери.

Прошла безмолвная минута,—никто не нарушалъ тишины. Затѣмъ офицеръ громкимъ голосомъ прервалъ молчаніе:

— Марія Александровна! Къ вамъ мать пришла на свиданіе!

Тогда Маруся открыла глаза и легкимъ наклоненіемъ головы попросила мать приблизиться къ ней. Старушка сѣла на полъ около своей любимицы, долго разглядывала ее, не знала, съ чего начать разговоръ, а слезы ручьемъ текли по щекамъ. Офицеръ всталъ на колѣни на полъ и помѣстился между головой Маріи Александровны и матерью—въ это маленькое простран-

ство, отдѣлявшее голову больной отъ материнской.

Свиданіе продолжалось 20 минутъ. Мать ни однимъ вопросомъ не обмолвилась по поводу того, что привело Марусю къ такому виду, всегда крѣпкую и здоровую физически съ малыхъ лѣтъ. Она чувствовала, что эти вопросы неумѣстны, что они только растревожатъ больную душу. Да и дочь не заговаривала объ этомъ.

Лицо у больной было хорошее, бѣленькое; чувствовалось на немъ глубокое страданіе; глазъ, весь вспухшій, съ багровыми подтеками, свидѣтельствовалъ о физическихъ боляхъ, пережитыхъ ею. Другой глазъ, ясный, синій, съ любовью обратился къ старушкѣ-матери.

Съ полнымъ сознаніемъ, съ яснымъ пониманіемъ вещей, больная стала успокаивать мать; убѣждала ее не отчаиваться, не убиваться при мысли, что за совершенный ею поступокъ ее повѣсятъ.

— Мамочка! — говорила она, — я умру съ радостью! ты не безпокойся, не убивайся за меня; у тебя остается еще четверо дѣтей,— заботься о нихъ!

— Тяжело только, что не успѣла покончить съ собой, и живой досталась этимъ мучителямъ, истязателямъ!

Говорила она тихимъ, слабымъ голосомъ. Часто останавливалась, чтобы отдохнуть. Видимо, разговоръ ей былъ труденъ.

Затѣмъ говорила она о всякихъ семейныхъ дѣлахъ, просила позаботиться послѣ ея смерти

о братѣ Колѣ, умоляла мать постараться всѣми силами продолжать его образованіе въ гимназіи, говоря, что онъ очень умный и способный мальчикъ.

Черезъ 20 минутъ офицеръ поднялся съ колѣней и холоднымъ, офиціальнымъ тономъ сообщилъ, что свиданіе окончено, и попросилъ мать выйти изъ камеры. Старушка поцѣловала личико своей ненаглядной Маруси, укрыла ее потеплѣе одѣяломъ и поднялась съ пола. Маруся же только слегка кивнула головкой,—до того она была слаба. И мать исчезла въ дверь.

Въ камеру къ дочери вошла надзирательница.

Что должна была почувствовать мать, выйдя на свѣжій воздухъ изъ могильнаго склепа, въ которомъ на полу лежитъ ея больная, безпомощная дочь, съ часовыми у дверей, за десятью замками, въ каменномъ гробу?!

ГЛАВА II.

Прочитавъ это описаніе свиданія, изумленный читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: что это значитъ, что во время свиданія съ матерью Марія Спиридонова лежала на полу, въ углу камеры, слабая, измученная, больная? Почему она лежала на полу, а не на койкѣ, не въ кровати? Что за методъ лѣченія примѣненъ былъ къ ней, въ силу котораго больную уложили на холодный, сырой полъ? Навѣрно, и здоровому человѣку было бы вредно спать на тюремномъ полу,

рискуя простудиться, захворать; а ей, слабенькой, замученной, не могущей шевельнуть ни рукой ни пальцемъ, это и подавно должно быть въ высшей степени губительно для здоровья. Чѣмъ это объяснить? И все ли время, за 17 дней лѣченія, она лежала на полу?

Да, да! Все время! И лежала она на полу только потому, что за ней почти не было никакого врачебнаго ухода. Страшно дѣлается, читатель, когда подумаешь, что эту дѣвушку, истерзанную ужасными пытками, замученную, затравленную, вмѣсто лѣченія, бросили въ тюрьму на холодный полъ, какъ избитое животное.

На вопросъ—почему больная лежала на полу, администрація тюрьмы дала слѣдующій отвѣтъ. Во время жара и сильнаго бреда она свалилась съ постели и подолгу лежала на голомъ полу въ одномъ бѣльѣ. Отсюда явствуетъ, что постель вначалѣ была, но такъ какъ у нея не находилось сестры милосердія, которая бы присмотрѣла за больной во время бреда,—затѣмъ, не имѣлось возможности дать для такого случая больничную койку съ сѣткой по бокамъ, то администрація тюрьмы предпочла изъять совершенно изъ обращенія кровать и замѣнить это ложе — поломъ. Какъ я сказалъ вначалѣ, за ней не было почти никакого медицинскаго присмотра. Лѣчилъ ее тюремный фельдшеръ; врача въ тюрьмѣ не было съ 20 января и до средины февраля, такъ что все это время она находилась безъ надзора; сестры милосердія при ней въ камерѣ тоже не было. Полицейскія же

мѣры были приняты по отношенію къ ней самыя строгія, неукоснительныя. За дверью стоялъ часовой, завѣдывала отдѣленіемъ надзирательница, убирала камеру уголовная женщина.

Лежала она въ больничномъ отдѣленіи тюрьмы и весь курсъ своего лѣченія пролежала на полу. Фельдшера она очень не любила, чувствовала на себѣ, что его знанія по медицинѣ и примѣненіе ихъ къ больной мало приносятъ пользы, иногда даже вредятъ ей, поэтому часто выгоняла его изъ камеры и предпочитала обходиться безъ его помощи.

Пищу получала отвратительную; въ своемъ письмѣ, которое при обыскѣ было найдено у сестры ея, Юліи, 19 февраля, Марія Спиридонова пишетъ, что молоко ей подаютъ разбавленное съ водой; мясо въ супѣ бываетъ съ такимъ запахомъ, что нельзя его ѣсть,—настолько оно тухлое. Конечно, такое питаніе больного организма не могло дать ничего хорошаго. Принимать пищу отъ сестры съ воли, какъ это дѣлается для другихъ политическихъ арестованныхъ, ей было воспрещено. Пищу же тюремную не хотѣли улучшить.

Нужно замѣтить, что послѣ этого письма сестру Юлію сейчасъ же арестовали и посадили въ ту же тюрьму, только въ другой корпусъ. Полиція предположила, что первое письмо Спиридоновой, попавшее на страницы газетъ, было передано Юліи, что, такимъ образомъ, между двумя сестрами, заключенной и живущей на свободѣ, установились взаимныя сношенія;

для того, чтобы прекратить эти сношенія и чтобы не дать огласки ея второму письму, рѣшили посадить въ тюрьму и Юлію.

Въ какомъ же видѣ нашли Марію Спиридонову официальныя власти, врачи и случайно встрѣтившіяся лица послѣ того, какъ истязаніе было окончено, и ее повезли въ Тамбовъ?

Что значится въ ихъ протоколахъ и донесеніяхъ по поводу факта совершеннаго надъ нею насилія? «Новое Время» въ своихъ сообщеніяхъ указывало, что нельзя придавать особаго значенія и вѣры письму Спиридоновой, такъ какъ она писала въ бреду, въ безсознательномъ состояніи. Слышались и отдѣльные голоса, желавшіе, такъ или иначе, защитить преступность правительственныхъ агентовъ, спрашивавшіе, какъ могла она написать письмо, когда часто впадала въ безсознательное состояніе, о чемъ даже сама упомянула въ письмѣ; при такомъ состояніи врядъ ли могло быть правдивое и точное изображеніе дѣйствительности; скорѣе надо ожидать бредъ разстроеннаго воображенія, результатъ реакціи физическихъ и душевныхъ силъ, послѣ громаднаго ихъ напряженія во время совершаемаго акта.

И вотъ, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія въ читателѣ, чтобы и тѣни недовѣрія не оставить въ немъ, я прошу его забыть на время то письмо Спиридоновой, которое было опубликовано во всѣхъ газетахъ, и исключительно отдаться впечатлѣніямъ холодныхъ канцелярскихъ, но краснорѣчивыхъ словъ протокола освидѣтель-

ствованія и заключенія слѣдственныхъ властей и другихъ лицъ.

Пусть тогда читатель самъ себѣ отвѣтитъ, и рѣшитъ, была ли это правда или бредъ безумной...

Когда слѣдственныя власти, по полученіи телеграммы изъ Борисоглѣбска, выѣхали изъ Тамбова на мѣсто происшествія, во главѣ со слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, то по дорогѣ онѣ встрѣтили поѣздъ, въ которомъ казаки везли Марію Спиридонову въ Тамбовъ. Власти вошли къ ней въ вагонъ и нашли ее лежащей неподвижно; все лицо у ней было забинтовано, кромѣ одного глаза. Когда слѣдователь ее допрашивалъ, она не могла подняться,—до того была сильно избита. Во время разговора часто впадала въ бредъ и въ бреду называла казачьяго офицера, сплетала его имя съ физическими муками, переживаемыми ею, и спрашивала: «неужели я не исполнила?» Потомъ, черезъ нѣсколько времени, приходила въ себя, понимала окружающее, различала предметы и отвѣчала на слѣдственные вопросы связно, послѣдовательно и логично. Затѣмъ она вновь впадала въ безсознательное состояніе, которое вновь сопровождалось бредомъ.

Здѣсь впервые слѣдственными властями былъ удостовѣренъ фактъ нанесенія Маріи Спиридоновой тяжкихъ побоевъ.

Быстрый переходъ отъ безсознательнаго состоянія въ состояніе яснаго пониманія окружающихъ лицъ и предметовъ показывалъ ея гро-

мадную силу воли, страшное напряженіе всѣхъ силъ, чтобы овладѣть собою и не давать проявиться физической немощи, которая взяла бы верхъ надъ нею. Она со страшными усиліями боролась противъ слабости организма, напрягала весь свой духъ надъ истощенными клѣтками матеріи, потому что хорошо знала, что кровожадный Аврамовъ хочетъ ее изнасиловать и воспользуется первой ея слабостью, чтобы удовлетворить своимъ звѣрскимъ инстинктамъ. Она боролась со своей слабостью, насколько было возможно, насколько хватало послѣднихъ истощенныхъ силъ.

Удалось ли ей спастись отъ этого страшнаго звѣря, «который, склонившись къ ней и лаская ея подбородокъ, нѣжно шепталъ ей»?

Несмотря на свою колоссальную силу воли, смогла ли она, при слабости замученнаго, истерзаннаго тѣла, защититься отъ разъяреннаго плотскими вожделѣніями и похотями негодяя, который «сильнымъ размахомъ сапога ударяетъ ей въ сжатыя ноги, чтобы обезсилить ихъ»; она зоветъ пристава Новикова... онъ спитъ...

Неужели этотъ человѣкъ-звѣрь воспользовался ея безсознательнымъ состояніемъ, ея обморокомъ и... изнасиловалъ ее? Неужели это такъ?

Г Л А В А III.

Разсмотримъ официальный источникъ — протоколъ медицинскаго освидѣтельствованія, произведеннаго тюремнымъ врачемъ въ Тамбовѣ,

по пріѣздѣ ея въ тюремный острогъ, потомъ выслушаемъ ея недавнее обращеніе къ тюремному врачу.

Когда въ тюрьму явился врачъ для освидѣтельствованія, Спиридонова отказалась подвергнуться подробному осмотру—со стороны живота, груди и спины. Остальныя части тѣла она показала. На нихъ найдено: лицо все было отечное, въ сильныхъ кровоподтекахъ съ красными и синими полосами. Въ теченіе порядочнаго промежутка времени Спиридонова не могла раскрыть рта, вслѣдствіе страшной опухлости губъ, по которымъ наносились удары. Надъ лѣвымъ глазомъ содрана кожа, размѣромъ въ серебряную монету въ пятьдесятъ копеекъ, обнаживъ живое мясо. Въ серединѣ лба имѣется продолговатая гноящаяся полоса, на которой содрана кожа. На правой сторонѣ на лбу, ближе къ волосамъ, тоже содрана кожа порядочнаго размѣра, но какого размѣра—въ протоколѣ не указано. Лѣвая сторона лица особенно сильно отечна. Вслѣдствіе страшной опухлости этой части лица (очевидно, били правой рукой или съ праваго плеча), лѣвый глазъ закрылся, и въ теченіе недѣли докторъ не могъ его открыть для освидѣтельствованія цѣлости глаза,—настолько сильно опухли оба вѣка.

Затѣмъ, черезъ недѣлю, когда опухлость вѣкъ нѣсколько уменьшилась, и доктору удалось открыть глазъ, то глазъ ничего не видѣлъ. По мнѣнію врача, произошло кровоизліяніе въ сѣтчатку. Въ настоящее время зрѣніе начинаетъ по-

немногу возвращаться; больная различаетъ контуры предметовъ, различаетъ рѣшетку въ окнѣ; отличаетъ бѣлый цвѣтъ отъ чернаго.

Правый глазъ тоже сильно пострадалъ; вся часть около глаза сильно отекла, вѣки опухли, оставивъ только маленькую щелку, черезъ которую больная могла смотрѣть на окружающее. Зрѣніе праваго глаза сильно уменьшено.

Кисти рукъ были синія, отечныя, сильно вспухшія, потому что особенно сильно были избиты и носили слѣды ударовъ нагайки. Лѣвая кисть особенно сильно вспухла и имѣетъ большіе кровоподтеки; надъ мизинцемъ лѣвой руки содрана кожа съ обнаженіемъ мяса, величиною съ серебряный пятакъ. На лѣвомъ предплечьѣ нѣсколько сильныхъ кровоподтековъ и красныхъ полосъ отъ нагаекъ. Эти красныя полосы имѣютъ особенный характеръ: въ серединѣ проходитъ бѣлая глубокая полоса съ очерченнымъ контуромъ, а по краямъ двѣ красныя, расплывающіяся широко въ сторону.

Кисть правой руки была вся отечная и сильно вспухшая; правое плечо тоже отечное, въ полосахъ, красныхъ и синихъ.

На ладонной сторонѣ лѣвой кисти были кровоподтечныя полосы между пятымъ и четвертымъ пальцами.

Ступни обѣихъ ногъ страшно отечныя; есть кровоизліянія и красныя полосы отъ нагаекъ; такія же полосы и кровоизліянія имѣются на бедрахъ и на колѣняхъ. На ступняхъ ногъ имѣется содраная кожа. Около колѣней на обѣ-

ихъ ногахъ тоже есть содраная кожа порядочнаго размѣра. Большой палецъ одной ноги сильно опухъ и окровавленъ отъ удара чѣмъ-то тупымъ.

Шея вся отечная; сильный кровоподтекъ распространяется изъ-подъ праваго уха назадъ, на спину, надо думать оттого, что на шею мучители наступали сапогами и давили ее.

Легкія совершенно отбиты, и въ нихъ произошло кровоизліяніе; поэтому у Спиридоновой все время шла горломъ кровь, такъ что приходилось давать сильныя кровоостанавливающія лѣкарства, послѣ чего кровь немного унималась.

Переломовъ, вывиховъ, поврежденій другихъ внутреннихъ органовъ, кромѣ всего перечисленнаго, не наблюдалось.

Когда ее привезли въ тюрьму, — значится въ протоколѣ, — Спиридонова совершенно не могла двигаться, была въ безсознательномъ состояніи, постоянно бредила поѣздомъ и казачьимъ офицеромъ; потомъ стали появляться промежутки яснаго сознательнаго состоянія, когда она очень хорошо говорила, вспоминала всѣ подробности прошедшаго, разсказывала доктору о тѣхъ мученіяхъ, которымъ подверглась со стороны казачьяго офицера и полицейскаго чина, а затѣмъ вновь впадала въ бредъ.

Эти состоянія часто чередовались другъ съ другомъ. На первомъ допросѣ у слѣдователя въ Тамбовѣ Спиридонова отвѣчала все очень сознательно до того момента, когда подошла къ разсказу объ убійствѣ Луженовскаго. Тогда она начала бредить, и слѣдствіе было прервано.

Когда моменты сознательнаго состоянія стали все чаще проявляться, и она начала понимать окружающее, тогда ею овладѣли галлюцинаціи. Страшныя галлюцинаціи преслѣдовали ее и нарушали ея покой; всего чаще она галлюцинировала казачьимъ офицеромъ и поѣздомъ, въ которомъ возвращалась въ Тамбовъ. Она вскрикивала, металась въ кровати, хотѣла уйти, спрятаться отъ этого насильника; во время галлюцинаціи рисовала картины въ вагонѣ, тотъ ужасъ, который ее тамъ преслѣдовалъ, который она тамъ переживала.

Что такое переживала она тамъ? Почему эта картина въ вагонѣ преслѣдуетъ ее въ галлюцинаціяхъ? Неизвѣстно! Нѣтъ официальной отгадки.

Вотъ тѣ данныя, которыя почерпнуты изъ официальнаго источника! Можетъ ли остаться теперь въ комъ-либо сомнѣніе, чему подвергалась Спиридонова въ застѣнкѣ съ двумя изощренными палачами? Содраная кожа на лицѣ, рукахъ, ногахъ, сплошные кровоподтеки, кровоизліянія, потеря зрѣнія, кровохарканье, полуторамѣсячное пребываніе въ постели,—все это не говоритъ ли каждому не о безумномъ бредѣ больной женщины, а о безумномъ, злодѣйскомъ поступкѣ насильниковъ, желавшихъ найти наслажденіе, упиться въ мукахъ и страданіяхъ своей жертвы, попавшей въ ихъ руки.

Когда административныя власти въ Тамбовѣ пожелали удостовѣрить личность доставленной казаками изъ Борисоглѣбска дѣвушки и при-

гласили для опознанія ея одного изъ служащихъ въ дворянскомъ тамбовскомъ собраніи, Вл. А. Апушкина, у котораго Спиридонова полтора года работала въ качествѣ конторщицы, тотъ, осмотрѣвъ ее, сказалъ, что Спиридонову онъ хорошо знаетъ, такъ какъ дѣйствительно она давно работаетъ у него, но признать въ этой безсознательно лежавшей дѣвушкѣ Спиридонову, съ синими, красными подтеками, безъ глаза, со вздутымъ, опухшимъ лицомъ, наполовину забинтованнымъ, онъ не можетъ,—онъ не узнаетъ ея. „Это не она, не Маруся Спиридонова, а другая какая-то!“

Такъ, опознать ее не могъ близкій человѣкъ,—до того она была истерзана и изувѣчена «до невозможности».

Но вотъ самое страшное, самое ужасное приближается, - я долженъ изложить читателю, дать отвѣтъ на поставленный выше вопросъ: «Неужели этотъ чудовищный негодяй воспользовался слабостью замученной и обезсиленной дѣвушки въ вагонѣ и изнасиловалъ ее?»

Есть ли на это какое-нибудь указаніе, какія-нибудь улики, предположенія?

Тяжело писать, перо дрожитъ въ рукахъ... Приведу разговоръ Спиридоновой съ тюремнымъ врачемъ, и пусть каждый рѣшитъ себѣ самъ...

Недавно, въ послѣднихъ числахъ февраля, Марія Спиридонова обратилась къ пришедшему въ ея камеру тюремному врачу, когда тотъ, послѣ мѣсячнаго перерыва, вновь возвратился къ своимъ прежнимъ обязанностямъ, и спросила его:

«Скажите, пожалуйста, какіе бываютъ признаки у человѣка, когда его заражаютъ сифилисомъ?»— Докторъ очень удивился заданному вопросу и попросилъ ее пояснить причину, почему это она заинтересовалась сифилисомъ. Спиридонова отвѣтила, что у нея есть основанія утверждать, что она изнасилована, и есть предположеніе, что заражена сифилисомъ. На это докторъ замѣтилъ ей, что теперь невозможно разрѣшить вопросъ «изнасилованія», такъ какъ прошло много времени, и экспертиза ничего не установитъ; что ей слѣдовало раньше, тотчасъ же по пріѣздѣ, подвергнуться медицинскому осмотру, и тогда этотъ вопросъ былъ бы выясненъ точно; затѣмъ спросилъ ее, почему она не разрѣшила ему тогда же освидѣтельствовать сферу половыхъ органовъ. Она отвѣтила, что была увѣрена въ томъ, что по пріѣздѣ въ Тамбовъ она сейчасъ же будетъ разстрѣляна, и съ часу на часъ, со дня на день ожидала казни. Она была увѣрена въ томъ, что пытки, примѣненныя къ ней въ борисоглѣбскомъ застѣнкѣ, дѣлались по распоряженію администраціи, и что теперь, когда будетъ доказано медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, что палачъ дошелъ въ нихъ до высшихъ степеней изувѣрства и изобрѣтательности, и изнасиловалъ дѣвушку, хотя бы въ безсознательномъ состояніи, онъ будетъ за то награжденъ администраціей,—она рѣшила не открывать этой ужасной тайны, не давать еще лишней награды ему, звѣрю... И отказалась отъ освидѣтельствованія! Теперь она видитъ, что ошиблась въ предполо-

женіи немедленной казни безъ суда, и убѣдилась въ томъ, что насильники, благодаря общественному мнѣнію, должны попасть на скамью подсудимыхъ. Она рѣшилась тогда раскрыть свою тайну, ужасную тайну дѣвушки... и согласилась на осмотръ. Такъ говорила она, но читатель съ сердцемъ найдетъ и другой мотивъ: чистая, цѣломудренная дѣвушка ждала казни, повѣшенія, и хотѣла не знать о гнусномъ насиліи, хотѣла, чтобы не знали и другіе. Докторъ отклонилъ осмотръ по вышеуказаннымъ мотивамъ.

Пусть читатель вспомнитъ теперь картину, нарисованную самой Спиридоновой въ своемъ письмѣ: «Офицеръ ушелъ со мной во II-й классъ; онъ пьянъ и ласковъ; руки обнимаютъ меня, разстегиваютъ, пьяныя губы шепчутъ гадко: какая атласная грудь, какое изящное тѣло... Сильнымъ размахомъ сапога онъ ударяетъ мнѣ въ сжатыя ноги, чтобъ обезсилить ихъ; зову пристава... онъ спитъ!»

Пусть въ душѣ своей каждый честный, порядочный человѣкъ, безъ словъ, безъ наименованій, найдетъ отвѣтъ, сопоставивъ все сказанное здѣсь съ ея галлюцинаціями о вагонѣ, съ ея бредомъ о казачьемъ офицерѣ, и пусть этотъ отвѣтъ пробудитъ сердца всѣхъ женщинъ, женщинъ всѣхъ странъ...

Пусть всѣ женщины, наши друзья западно-европейскихъ государствъ, объединятся для общаго протеста и встанутъ на защиту женщины отъ позора и истязанія гнусныхъ насильниковъ.

Тотъ же, кому дорога честь сестры, жены, дочери, пусть встанетъ на защиту своихъ любимыхъ существъ, и дастъ дѣятелямъ нынѣшняго правительства вразумительно понять, что они за это понесутъ отвѣтъ передъ судомъ народной совѣсти.

ГЛАВА IV.

По пріѣздѣ въ Борисоглѣбскъ мнѣ удалось получить новыя интересныя данныя по поводу истязанія Спиридоновой.

Два лица находились безотлучно съ Луженовскимъ, два его тѣлохранителя: Ждановъ, помощникъ полицейскаго пристава, прикомандированный къ нему изъ Тамбова, и Аврамовъ, прикомандированный изъ Борисоглѣбска казачій есаулъ. О личности того и другого я сообщу позднѣе; теперь же набросаю картину того, что произошло на платформѣ станціи Борисоглѣбска.

Луженовскій вышелъ изъ вагона нѣсколько неосторожно: его не окружало, какъ обычно, плотное кольцо изъ казаковъ; ихъ было много, но не въ тѣсной кучѣ около Луженовскаго, а вразсыпную по всей платформѣ; кромѣ того, они очень увлеклись публикой, разгоняя ее во всѣ стороны, и не замѣтили на площадкѣ вагона маленькой, хорошенькой фигурки гимназистки. Во всемъ этомъ винить себя Аврамовъ, какъ не принявшій надлежащихъ распорядительныхъ охранныхъ мѣръ. Она стрѣляла изъ муфты, обернутой платкомъ. Когда раздался

первый выстрѣлъ, Спиридонова сбѣжала съ площадки и все время мѣняла свою позицію, выбирая мѣста наиболѣе удобныя. Такимъ образомъ, никто не могъ уловить, откуда раздавались выстрѣлы, и стрѣляетъ ли одинъ или нѣсколько человѣкъ,—настолько они были часты и быстры въ перемѣщеніи направленія самыхъ выстрѣловъ.

Въ эту минуту всѣ оцѣпенѣли, растерялись. Луженовскій всей тяжестью своего большого тѣла грохнулся на платформу съ признаками жизни. Никто изъ окружавшихъ его казаковъ и жандармовъ не уловилъ, не понялъ, чьихъ рукъ это дѣло. Стрѣлялъ ли кто-нибудь изъ казаковъ, или, быть можетъ, изъ жандармовъ; можетъ быть, оказался измѣнникъ въ формѣ охранителя?.. Всѣ растерялись... никто не понималъ... Вдругъ явственно въ эту минуту всеобщаго смятенія раздались слова: «Разстрѣливайте меня!!»... Всѣ обернулись по направленію голоса и увидали маленькую гимназистку, съ револьверомъ въ рукахъ, который она подносила къ виску, чтобы покончить съ собой.

Ближайшій къ ней казакъ однимъ ударомъ приклада въ голову опрокинулъ ее на платформу, и, падая, она выронила револьверъ изъ своихъ рукъ. Когда она лежала на полу, къ ней подскочилъ Аврамовъ, схватилъ за косу, намоталъ ее себѣ на руку и поднялъ дѣвушку на воздухъ; другой же рукой онъ нѣсколько разъ ударилъ нагайкой по головѣ. Затѣмъ онъ съ размаха бросилъ ея маленькое тѣло на полъ и

крикнулъ казакамъ: «Бейте ее! бейте!.. Сильнѣе! Безъ пощады!..»

И самъ тутъ же началъ наносить ей удары нагайкой и топтать ногами. Вокругъ этого безпомощнаго, маленькаго женскаго тѣла столпились сильные, здоровые, вооруженные люди и другъ передъ другомъ изощрялись въ ловкости нанесенія ударовъ нагайками. Это дѣлалось открыто, передъ всѣми пассажирами, передъ служащими на станціи, и вызывало ужасъ, злобу и презрѣніе при видѣ такой грозной звѣрской силы передъ маленькимъ, не сопротивляющимся женскимъ тѣльцемъ.

Руководящая и главная роль въ этомъ истязаніи принадлежала казачьему есаулу Аврамову; онъ особенно кричалъ, ругался, приказывалъ казакамъ бить ее, до смерти бить: «Засѣчь! совсѣмъ засѣчь ее!» Очевидцы разсказываютъ, что ни одного крика, ни мольбы о пощадѣ не раздалось со стороны этой маленькой женщины; только слышались визгливые возгласы есаула къ казакамъ: «Бейте!.. Еще!.. Сильнѣе!» Слышалась его площадная брань, свистъ нагаекъ.

Вдругъ Аврамовъ скомандовалъ: «Бей всѣхъ, кто тутъ есть! всѣхъ... въ нагайки!»—и началось невообразимое избіеніе; казаки съ остервенѣніемъ, испытывая особое наслажденіе, набросились на неповинную толпу.

Имъ подвернулся подъ руку старикъ-пассажиръ; они наносили ему удары съ такой силой, что вопли и мольбы о пощадѣ раздирающимъ душу эхомъ пронеслись по станціи. Всѣ

Марія Спиридонова въ камерѣ у окна.

попрятались, разбѣжались—кто въ вагоны, кто на дворъ станціи.

Нѣкоторые изъ находившихся на площадкѣ вагона утверждаютъ, что избіеніе Спиридоновой потому прекратилось, что вступился за нее желѣзнодорожный жандармскій ротмистръ Бѣлявскій, изъ боязни за цѣлость ея жизни и, такимъ образомъ, невозможность найти соучастниковъ по ея дѣлу и открыть другихъ виновниковъ.

При избіеніи публики, привлеченной выстрѣлами, казаки, во главѣ съ Аврамовымъ, дѣйствовали настолько неразборчиво, что избили даже кондукторскую бригаду, избили даже желѣзнодорожнаго жандарма, унтеръ-офицера Хитрова. Когда послѣдній пришелъ къ себѣ домой, онъ ничего не сказалъ объ избіеніи; потомъ, когда эта исторія разнеслась по всему городу, и скрывать ее долѣе было нельзя, то на вопросы: правда ли, что его нагайками избили казаки?— Хитровъ отвѣчалъ:

— Да, ударили нѣсколько разъ нагайкой по лицу; Ждановъ приказалъ! — Его спросили: за что же?—Кто ихъ знаетъ, за что? Это не люди были, а звѣри!

Незадолго передъ этимъ тотъ же жандармъ Хитровъ философствовалъ на тему, что въ настоящее время крамола настолько далеко пошла, что никому нельзя довѣрять, даже чинамъ полиціи и жандармеріи; единственные хорошіе люди, которые еще остались среди этой кате-

горіи людей—искоренителей крамолы, это—казаки!

И вдругъ, такая непріятность! Ему, жандарму, поклоннику казацкой нагайки, пришлось на себѣ испытать всю горечь ея жесткихъ прикосновеній. Говорятъ, онъ подалъ жалобу своему начальству на казаковъ и Жданова.

На платформѣ во время этой исторіи находился мировой судья города Борисоглѣбска, г. Коваленко. Когда онъ выходилъ изъ вагона, направляясь къ себѣ домой, онъ услышалъ выстрѣлы; сначала онъ ничего не разобралъ, но потомъ увидалъ, какъ схватили за косу молодую барышню и подняли кверху на воздухъ, а потомъ начали ее бить. Видѣлъ, какъ ее бросили на полъ и наносили нагайками удары. Когда же казаки бросились съ нагайками на всѣхъ, кто тутъ находился, мировой судья скорѣе бросился въ вагонъ обратно и тамъ ожидалъ развязки. Наконецъ, Спиридонову перетащили на извозчика, а Луженовскаго отнесли въ его вагонъ, и мировой судья могъ безъ особаго риска пробраться домой. Когда онъ пришелъ къ себѣ въ семью съ только что пережитыми ужасными впечатлѣніями видѣннаго избіенія, его первыми вырвавшимися словами были:

«Ее такъ били, такъ ужасно били!»

Тамъ, на мѣстѣ, онъ молчалъ! Молчалъ, потому что былъ бы избитъ такъ же, какъ избили жандарма, кондукторовъ и многихъ другихъ.

У главныхъ тѣлохранителей Луженовскаго и

руководителей истязаній, — Аврамова и Жданова, — избіеніе всѣхъ, кто подвертывался имъ подъ руку, правый, виноватый — безразлично, было введено въ систему, въ принципъ.

Всѣ казаки подчинялись имъ, какъ военачальникамъ, и по первому ихъ приказанію бросались избивать, не соображая, не раздумывая, какъ автоматы, какъ слѣпая физическая сила.

Когда Ждановъ по свѣжимъ слѣдамъ отправился производить разслѣдованіе о томъ, гдѣ ночевала Спиридонова, на какихъ станціяхъ, кто съ ней былъ, онъ вызвалъ къ допросу на ст. Жердевка помощника начальника станціи, г. Полунина. Онъ разспрашивалъ его о томъ, почему тотъ позволилъ ей ночевать на станціи, почему не донесъ объ этомъ станціонному жандарму, и когда получилъ отвѣтъ, что каждый разъ ночуетъ, въ ожиданіи запоздавшихъ поѣздовъ, много пассажировъ, и что это нигдѣ не запрещается, Ждановъ, окруженный казаками, ударилъ Полунина по лицу и крикнулъ ему: «Замолчать!» — Онъ ждалъ, что тотъ отвѣтитъ ему если не дѣйствіемъ, то рѣзкимъ словомъ, и тогда Ждановъ крикнетъ вѣрнымъ слугамъ своимъ: «Въ нагайки его!» — И не быть ему тогда живому. Полунинъ смолчалъ, весь вспыхнувъ; въ его растерянности, въ безпомощности «всей» фигуры — было его спасеніе.

Тутъ подвернулась какая-то барышня, хорошо одѣтая, которая отвлекла вниманіе Жданова; онъ приказалъ задержать ее и подвергнуть осмотру. Онъ бранилъ ее и оскорблялъ. Хра-

брость Жданова дошла до того, что по пріѣздѣ на ст. Козловъ онъ рѣзко оскорбилъ желѣзнодорожнаго жандармскаго полполковника, крикнувъ ему, чтобъ онъ убирался вонъ.

Кто же такой этотъ Ждановъ?—Мальчишка 22 лѣтъ, раньше помощникъ пристава, нынѣ исполняющій обязанности пристава 3 участка г. Тамбова, получившій повышеніе послѣ своихъ подвиговъ по дѣлу Спиридоновой.

Когда избіеніе публики на вокзалѣ было окончено, казаки возвратились къ своей распластанной на платформѣ жертвѣ и потащили ее за ногу къ выходу. Юбки задрались кверху, обнаживъ ноги и часть туловища.

Какъ ее сажали на извозчика, видѣлъ господинъ Н.; она была совершенно неживая; помогалъ ее усаживать тотъ же жандармскій унтеръ-офицеръ Хитровъ; рядомъ съ ней сидѣлъ казачій офицеръ, и ее повезли въ квартиру исправника.

Внутри, въ передней квартиры, въ тотъ моментъ, когда привезли Спиридонову, находился г. Б., пришедшій къ исправнику просить разрѣшенія на свиданіе съ своимъ братомъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Онъ видѣлъ, какъ она вошла въ переднюю, поднялась по лѣстницѣ и остановилась на верхней площадкѣ. Видъ у нея былъ измученный, на лицѣ кровь; она прислонилась къ стѣнѣ и тяжело дышала; она находилась въ полномъ сознаніи. Казачій офицеръ, доставившій ее (былъ ли это Аврамовъ, г. Б. не знаетъ, такъ какъ никогда не видалъ Аврамо-

ва), спросилъ: «Гдѣ вашъ револьверъ?» — Она отвѣтила, что онъ выпалъ у нея изъ рукъ, когда ее были на станціи. — Какъ ваша фамилія?—Я не здѣшняя,—отвѣтила Спиридонова. Тогда офицеръ съ раздраженіемъ повторилъ свой вопросъ: Я спрашиваю, какъ ваша фамилія! Слышите ли?—Я не здѣшняя, тамбовка,—съ трудомъ отвѣтила Спиридонова, тяжело переводя дыханіе. Тогда онъ со всего размаха нѣсколько разъ ударилъ ее по лицу.—Зачѣмъ вы меня бьете? Предавайте суду, разстрѣливайте, судите, но зачѣмъ истязуете меня?—Вотъ слова, которыя слышалъ Б., безмолвно наблюдая всю эту сцену.

Черезъ минуту офицеръ, увидавъ, что тутъ находятся посторонніе люди, приказалъ казакамъ выгнать всѣхъ вонъ, и что дальше было, ничего не извѣстно.

Госпожа М. видѣла, какъ Спиридонову везли изъ дома исправника въ полицейскую часть. Съ ней рядомъ въ саняхъ сидѣлъ Аврамовъ и поддерживалъ ее за спину. Голова была запрокинута назадъ. Ѣхала безъ шапки, съ разбитыми, растрепанными волосами. Лицо въ крови. Въ это время шелъ снѣгъ, дулъ сильный вѣтеръ, и волосы развѣвались вѣтромъ во всѣ стороны. Видно было, что она находилась въ безсознательномъ состояніи, такъ какъ ея маленькій корпусъ, подпрыгивая въ саняхъ отъ неровностей дороги, раскачивался и валился на всѣ стороны. Везли ее очень быстро; спереди и сзади ѣхали на извозчикахъ полицейскіе чины и сопровождали казаки.

Что было со Спиридоновой въ полицейскомъ участкѣ, въ этомъ застѣнкѣ, гдѣ два палача работали съ глазу на глазъ, пытали бѣдную дѣвушку, стараясь вырвать хоть одинъ стонъ, хоть звукъ ея голоса, и при всей изощренности въ нанесеніи мученій не достигли этого; что продѣлывали они надъ ней—никому не извѣстно; знаетъ только она, Спиридонова, изложившая свои муки и страданія въ томъ простомъ, безъискусственномъ письмѣ, о которомъ освѣдомлена теперь вся Россія. Мнѣ удалось только слышать разсказъ того полицейскаго надзирателя, который былъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ за то, что въ станичномъ волостномъ правленіи разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ во время дежурства въ полицейской части, когда Аврамовъ и Ждановъ пытали Спиридонову. Онъ говорилъ:

— Мнѣ было въ пальто холодно, а ее держали раздѣтой. Ее брали за косу и въ воздухъ сѣкли нагайками, приказывая ей кричать; топтали ее ногами, потомъ вновь подымали за косу и сѣкли...

Другой свидѣтель, бывшій тоже въ части во время пытокъ Спиридоновой, казачій урядникъ М., находившійся большей частью при Аврамовѣ, разсказывалъ: «На что я казакъ, но и то дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, какъ вспомнишь про тѣ истязанія, которыя ей причиняли въ части».

Затѣмъ, онъ утверждаетъ, что Аврамовъ былъ пьянъ, такъ какъ отъ него сильно несло водкой.

Иногда Аврамовъ отлучался изъ застѣнка, о чемъ упоминаетъ и Спиридонова, и возвращался къ Луженовскому, который все время находился въ сознаніи.

Нужно сказать, что свѣдѣнія эти получены изъ прямого источника, отъ того лица, которое находилось все время безотлучно при Луженовскомъ; эти минуты, съ момента нанесенія ранъ Луженовскому и до отъѣзда Аврамова со Спиридоновой въ Тамбовъ, настолько интересны, что я подробнѣе остановлюсь на нихъ.

Первую помощь Луженовскому оказалъ желѣзнодорожный врачъ Ещенко въ томъ вагонѣ, въ которомъ пріѣхалъ только что передъ этимъ Луженовскій. Въ полномъ сознаніи Луженовскій, увидѣвъ подходившаго къ нему человѣка и узнавъ, что это докторъ, спросилъ: «Ваша фамилія?»—Тотъ отвѣтилъ.—«Скажите, есть какая-нибудь опасность?»—Докторъ отвѣтилъ, что надо подробно изслѣдовать, куда попали пули и сколько? Неподалеку отъ лежащаго Луженовскаго стоялъ Ждановъ, который усиленно подмигивалъ доктору глазами, чтобы онъ не открывалъ больному дѣйствительной опасности, а успокоилъ бы его. Докторъ, послѣ осмотра, отвѣтилъ больному: легкія сильно пострадали, но большой опасности не представляютъ; двѣ раны въ животъ представляютъ очень большую опасность. Стоявшій здѣсь помощникъ полицейскаго надзирателя, Новиковъ, вступилъ съ докторомъ въ принципіальный споръ, увѣряя, что легкія совершенно цѣлы, «такъ какъ ихъ

высокоблагородіе курятъ-съ: только что изволили они выкурить папироску». Все-таки это доказательство не переубѣдило доктора, и онъ обратился къ больному за разрѣшеніемъ вспрыснуть ему камфоры подъ кожу. Обсудивъ этотъ вопросъ при участіи полиціи (Жданова и Новикова), Луженовскій далъ согласіе, и докторъ послалъ своего фельдшера въ аптеку принести все необходимое для подкожнаго вспрыскиванія.

Затѣмъ Луженовскаго перевезли въ городъ, въ домъ исправника, гдѣ онъ и пролежалъ весь день на попеченіи хозяина, находившагося при больномъ безотлучно. Луженовскій былъ въ сознаніи. Вскорѣ пріѣхалъ Аврамовъ; между ними тремя произошелъ какой-то разговоръ шепотомъ. Настроеніе было въ высшей степени тяжелое, кошмарное. Аврамовъ вновь уѣхалъ не надолго и черезъ какой-нибудь часъ возвратился; къ этому времени столъ въ сосѣдней комнатѣ былъ тѣсно установленъ бутылками и разной закуской. Стояли всякаго рода вина, водки. Аврамовъ, еще раньше немного выпившій, съ жадностью сталъ выпивать рюмку за рюмкой. Онъ часто подходилъ къ кровати больного, хватался за голову и кричалъ: Гаврила Николаевичъ! Что ты надѣлалъ? Эхъ! угораздило же тебя!—Потомъ наклонялся къ нему и что-то шепотомъ говорилъ, страстно, много... Потомъ вновь исчезалъ, и черезъ небольшіе промежутки времени вновь появлялся. Опять выпивалъ и еще жалобнѣе причитывалъ: Это я во всемъ виноватъ! Это изъ-за меня погибаетъ Гаврила! Не

доглядѣлъ... не досмотрѣлъ... Допустилъ его выйти одного изъ вагона!..—И вновь хватался за голову, чокался съ исправникомъ и подкрѣплялъ себя водкой. Исправникъ съ вѣсомъ и покровительственно успокаивалъ его, уговаривалъ не терять бодрости и энергичнѣе вести разслѣдованіе дѣла.—Мужайся, знай свое дѣло, продолжай его!—твердилъ исправникъ, потомъ шепотомъ что-то говорилъ ему, наклоняясь къ самому уху.

Въ одно изъ такихъ перешептываній слышны были слѣдующія слова: Возьми 20 казаковъ и 2 подводы, отправляйся живо, не теряй ни минуты, скорѣй!.. И будь мужественъ!.. — И дѣйствительно, Аврамовъ исчезъ. Надо думать, что это наставленіе высшаго начальства касалось обыска публичной библіотеки и ареста всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были тамъ захвачены.

Объ этомъ я разскажу позднѣе, такъ какъ это обстоятельство и роль Аврамова при обыскѣ были въ высшей степени характерны.

Когда Аврамовъ возвратился къ Луженовскому, нѣсколько ободренный успѣхомъ исполненнаго порученія, онъ долго бесѣдовалъ потихоньку съ исправникомъ и Луженовскимъ, потомъ началъ прикладываться къ бутылкамъ и опять сталъ хвататься за голову, со всевозможными причитаньями. Онъ даже плакалъ, хотя не собственными слезами—то плакала водка, обильно выпитая имъ. Луженовскій все время былъ въ сознаніи, и однажды, въ минуту раздумья, у него вырвались слова, если не раскаянія, то

оцѣнки своихъ поступковъ: «Дѣйствительно, я хватилъ черезъ край».

Между прочимъ, Аврамовъ высказывался вслухъ передъ исправникомъ, что если бы Спиридонова не крикнула: «разстрѣливайте меня!» и въ рукахъ ея не оказался револьверъ, то она имѣла бы полную возможность скрыться, остаться совершенно незамѣченной. Выстрѣлы направлялись съ разныхъ сторонъ и были такъ часты, что всѣ присутствовавшія власти и казаки совершенно растерялись, и не могли ничего сообразить. Только этотъ крикъ привлекъ вниманіе всѣхъ и открылъ глаза на дѣйствительность. Затѣмъ Аврамовъ сталъ прощаться, чтобъ пойти въ застѣнокъ и продолжать свою жестокую работу, а потомъ оттуда повезти свою жертву въ Тамбовъ.

Докторъ обратился къ исправнику и сказалъ ему: «Теперь надо пойти къ Спиридоновой, посмотрѣть ее и оказать медицинскую помощь; она въ ней нуждается, такъ какъ ее сильно избили». На это исправникъ рѣзко возразилъ: Ни доктора ни слѣдователя къ ней не пущу!

И одинъ Аврамовъ поѣхалъ къ ней туда, на мѣсто пытокъ.

Когда ее нужно было вывозить изъ полицейской части на вокзалъ желѣзной дороги, она чувствовала себя очень плохо, и администрація приказала по телефону желѣзнодорожному фельдшеру Зимину сопровождать ее до станціи Терновка.

Зминъ былъ свидѣтелемъ крайне грубаго и

циничнаго обращенія Аврамова со Спиридоновой. Площадная ругань такъ и висѣла въ воздухѣ. Подобное обращеніе оскорбляло даже Зимина, какъ мужчину; онъ никогда не слыхалъ такого богатаго лексикона отборныхъ ругательныхъ словъ, подбора ихъ и группировки. Когда Зиминъ встрѣтилъ ее въ вагонѣ II класса, она была ужасно избита; лицо было кѣмъ-то перевязано, въ кровоподтекахъ, въ синихъ, кровавыхъ пятнахъ. При ней находился Авраамовъ, совершенно пьяный, затѣмъ полицейскій чинъ (какъ оказалось, Новиковъ) и нѣсколько казаковъ.

При первомъ взглядѣ, Зиминъ подумалъ, что лѣвый глазъ у нея совершенно выбитъ, а правый настолько заплылъ, что почти не глядѣлъ. Все лицо слилось въ одну общую вздутую маску, съ синими и кровяными оттѣнками.

Аврамовъ все время, продолжая ругаться, страшно издѣвался надъ ней. Подставлялъ къ ней свою грудь, прося убить его, кричалъ ей: Стрѣляй въ меня! Стрѣляй! Ну, что же, вѣдь ты же убила Луженовскаго, убивай меня! — Подставляя ей такъ храбро свою грудь, онъ хорошо зналъ, что ей стрѣлять нечѣмъ, да и казаки тутъ. Потомъ, съ риторическимъ паѳосомъ, ударяя себя въ грудь, восклицалъ:

— Хорошо тебѣ досталось отъ насъ; мы на то и казаки, чтобы избивать васъ!..

Въ этомъ вагонѣ, кромѣ перечисленныхъ лицъ, никого больше не было. Подъѣзжая къ ст. Терновка, Аврамовъ сталъ протрезвляться, и пере-

мѣнилъ свое обращеніе съ ней на болѣе ласковый тонъ. Сталъ къ ней внимательнѣй, ухаживалъ за ней; называлъ ее ласкательными именами. Вскорѣ фельдшеръ сошелъ на станціи Терновка, и что было дальше—не извѣстно.

Наступилъ уже четвертый часъ ночи...

. . . . . .

Когда Аврамовъ возвращался назадъ, изъ Тамбова въ Борисоглѣбскъ, сдавъ Спиридонову тюремной администраціи въ полуживомъ состояніи, онъ въ поѣздѣ встрѣтился съ господиномъ Еф. и разговорился съ нимъ.

Аврамовъ находился въ угнетенномъ, подавленномъ состояніи; чувствовалъ себя плохо и искалъ случая, передъ кѣмъ бы излить свои душевныя тревоги.

Онъ разсказалъ г-ну Е., что произошла непріятная для него исторія. Сопровождая въ Тамбовъ Спиридонову, онъ помѣстилъ ее для удобства во II-й классъ, и она заснула; проснувшись, она потребовала Аврамова къ себѣ и попросила купить ей чашку кофе и хлѣба съ икрой. Онъ это исполнилъ,—удовлетворилъ ея желаніе, и когда она заговорила съ нимъ, онъ остался у нея въ отдѣленіи и слушалъ ее. Спиридонова разсказывала Аврамову, что умѣетъ хорошо стрѣлять: изъ десяти пуль попадаетъ 6 штукъ, пуля въ пулю; затѣмъ попросила его, чтобы, когда будутъ ее вѣшать, веревка была покрѣпче, такъ какъ въ Россіи и вѣшать не умѣютъ: веревки рвутся и т. д.

Поговоривъ съ ней, онъ ушелъ оттуда, оставивъ ее одну спать.

Когда же Аврамовъ привезъ Спиридонову въ тюрьму, она оклеветала его передъ администраціей въ вольномъ обращеніи съ нею и въ томъ, что Аврамовъ позволилъ нѣчто большее, воспользовавшись ея слабостью и безсиліемъ.

Разсказывая про эту непріятную исторію, онъ говорилъ, что ему весьма обидно, что такая клевета можетъ пасть на его доброе имя и опозорить честь его офицерскаго мундира.

ГЛАВА V.

Въ предыдущей главѣ я привелъ случайно услышанныя слова изъ тайнаго разговора шепотомъ исправника съ Аврамовымъ у кровати больного Луженовскаго: «Возьми 20 казаковъ, 2 подводы и живо отправляйся, не медли ни минуты! Скорѣе!»—Аврамовъ послѣ этихъ словъ быстро исчезъ выполнять отданное ему исправникомъ порученіе, предварительно чокнувшись съ нимъ нѣсколько разъ у обильно уставленнаго водкой и закуской стола.

До этого Аврамовъ уже достаточно выпилъ.

Какъ оказалось, порученіе это относилось къ обыску и аресту всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ задержаны въ публичной борисоглѣбской библіотекѣ, и къ закрытію самой библіотеки.

Дѣйствительно, около этого времени явились въ зданіе библіотеки Аврамовъ и Ждановъ, въ сопровожденіи полусотни казаковъ.

Войдя въ первую комнату, гдѣ было порядочно народа, пришедшаго мѣнять книги (тутъ были учащіеся, горничныя, дворники, всѣ тѣ, кто обычно приходитъ за книгами), Аврамовъ зычнымъ голосомъ крикнулъ: Оставаться на мѣстахъ, иначе стрѣлять буду!..—Казаковъ онъ выстроилъ въ шеренгу и приказалъ навести ружья.

Такія предосторожности онъ принялъ тамъ, гдѣ половина была женщинъ, и всѣ до одного невооруженные. Такая сила понадобилась ему тамъ, гдѣ никто не хотѣлъ оказывать никакого сопротивленія, гдѣ люди собрались не для битвъ, а для просвѣтительныхъ мирныхъ цѣлей.

Принявъ всѣ необходимыя военныя мѣры противъ столь опаснаго противника, Аврамовъ храбро приступилъ къ обыску.

Аврамовъ принялъ на себя болѣе пріятную роль, какъ онъ самъ выразился вслухъ, при всѣхъ присутствовавшихъ, обыскивать барышень.

Эти обыски онъ производилъ такъ безцеремонно, позволялъ себѣ водить рукой по нѣсколько разъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно ничего не хранится, да и не можетъ храниться, что одна изъ барышень не выдержала столь безсовѣстнаго и наглаго отношенія и крикнула рѣзко:

— Я не позволю вамъ такъ обращаться со мной. Можете убить, если хотите, но этихъ вещей я не позволю вамъ дѣлать!

— Ахъ, mademoiselle, помилуйте!—вѣдь это такъ пріятно!—фамильярнымъ тономъ отвѣтилъ любезный Аврамовъ и продолжалъ обыскивать ее тѣмъ же пріемомъ.

— Если вамъ пріятно, то мнѣ противно! Слышите! Оставьте, я вамъ говорю!—въ страшномъ негодованіи воскликнула дѣвушка.

Тутъ тонъ офицера сразу перемѣнился, и рѣзкимъ, грубымъ голосомъ онъ крикнулъ:

— Молчать, сударыня! Ни слова!..

И воцарилось гробовое молчаніе. Только нервно подергивалось лицо бѣдной дѣвушки, все залитое румянцемъ; слезы стыда и оскорбленія еле удерживались на ея прелестныхъ глазахъ. Она растерянно смотрѣла на окружающихъ; она не понимала, за что онъ оскорбилъ ее; почему онъ такъ нагло осквернилъ ея цѣломудріе и чистоту! Неужели только потому, что она безсильна и слаба, а у него 25 свирѣпыхъ казаковъ, вооруженныхъ ружьями, нагайками, готовыхъ броситься по первому мановенію его руки?!...

Изъ тяжелаго раздумья вывелъ ее рѣзкій, грубый голосъ Аврамова: «Ты жидъ?» Этотъ вопросъ относился къ мальчугану лѣтъ 17-ти, стоявшему неподалеку отъ барышни Тотъ отвѣтилъ: «Я еврей».

— А, ты еврей! а не жидъ... очень пріятно познакомиться съ вами, господинъ іерусалимскій дворянинъ! — и при этихъ словахъ хлесткіе удары по лицу посыпались на бѣднаго еврея.

Онъ молчалъ, еле удерживаясь отъ крика, вслѣдствіе сильной физической боли; билъ онъ его дѣйствительно сильно, и какъ-то умѣло и ловко, такъ что скоро лицо окровянилось, и брызги крови попали на окружающихъ. Одна изъ такихъ капель попала на руку одной молоденькой барышнѣ. Она въ ужасѣ вскрикнула:

— У меня на рукѣ кровь!.. Что вы дѣлаете? Извергъ!

Аврамовъ быстро повернулся, увидалъ красивое, пухленькое личико, съ протянутой впередъ

хорошенькой рукой, сразу весь перемѣнился, улыбнулся, вынулъ изъ кармана платокъ и со словами: «Ахъ! pardon, mademoiselle!.. какая съ моей стороны неосторожность!..» вытеръ ей съ руки каплю крови. Она съ чувствомъ омерзѣнія выдернула свою руку, когда тотъ задержалъ ее въ своей рукѣ.

Затѣмъ Аврамовъ моментально вновь перемѣнился, повернулся къ своей прежней жертвѣ, къ мальчугану-еврею. Замѣтивъ на его лицѣ капли слезъ, которыя тотъ не смогъ сдержать, несмотря на то, что прилагалъ всѣ усилія къ тому, Аврамовъ, со свирѣпымъ лицомъ, вновь размахнулся и началъ наносить ему съ плеча удары по лицу, приговаривая:

— Вотъ какъ... Ты плачешь? Такъ вотъ тебѣ за твои нѣжности... Получай!.. Еще!.. Не плачь, іерусалимскій дворянинъ! — и удары сыпались хлестко и часто.

Обыскъ продолжался. Всѣ понимали, что судьба каждаго изъ нихъ находится въ полной зависимости отъ страшнаго произвола этого дикаго, жестокаго человѣка, который быстро переходитъ отъ состоянія кровожаднаго звѣря къ состоянію умиленнаго похотливыми побужденіями сладострастника, не могущаго равнодушно видѣть женское лицо, женскую фигуру. Всѣ понимали это, и съ ужасомъ ждали развязки. Она не замедлила явиться.

Въ читальнѣ подъ столомъ нашли кѣмъ-то выброшенную нелегальную брошюру. Кому она принадлежала—неизвѣстно. Аврамовъ разсвирѣ-

пѣлъ и крикнулъ: «Если не скажете, кто это сдѣлалъ, я васъ всѣхъ перестрѣляю! Слышите, пусть лучше сознается тотъ, кто это сдѣлалъ, нежели пострадаютъ невинные люди!» Никто не сознавался. Аврамовъ нѣсколько разъ повторилъ свою страшную угрозу, и всѣ были увѣрены, что онъ приведетъ ее въ исполненіе. Ждали разстрѣла. По его предыдущимъ выходкамъ никто не сомнѣвался, что ему ничего не стоитъ пролить кровь тридцати – сорока человѣкъ. Минута была ужасная; всѣ ждали смерти.

Вдругъ Аврамовъ, посовѣтовавшись со Ждановымъ, приказалъ всѣхъ до единаго отправить въ тюрьму, а библіотеку закрыть. Всю толпу окружили казаки и повели къ тюремному замку, гдѣ ихъ продержали отъ 3 дней до недѣли, не найдя за ними никакой вины. По дорогѣ казаки позволяли себѣ самыя грубыя, циничныя выходки, ругались, острили; грозили нагайками тѣмъ, кто отставалъ или замедлялъ шагъ. Къ библіотекѣ приставили часовыхъ, и три недѣли она была закрыта.

По натурѣ своей Аврамовъ—человѣкъ дикій, въ высшей степени несдержанный, не умѣющій владѣть собой и подчинять эмоціи своей волѣ. Переходы его изъ одного состоянія въ другое совершаются въ немъ быстро, не оставляя никакого слѣда.

Онъ много пьетъ, и это замѣтно на его лицѣ. По свидѣтельству казаковъ, его считаютъ въ своей командѣ человѣкомъ злымъ и жестокимъ, что видно изъ его обращенія съ лошадьми и нижними чинами.

Мнѣ удалось узнать еще одну подробность изъ тѣхъ пытокъ, которыя онъ примѣнялъ къ Спиридоновой въ борисоглѣбскомъ застѣнкѣ. Аврамовъ и Ждановъ садились на узкое окно, а въ середину, на подоконникъ, сажали ее, раздѣтую, страшно избитую, такъ что она находилась въ омерзительныхъ желѣзныхъ тискахъ. Опухшее тѣло, съ кровоподтеками и съ содраной кожей, сжатое въ узкомъ пространствѣ двумя сильными мужчинами, причиняло ей страшное мученіе, невѣроятныя страданія; при этихъ пріемахъ пытки Аврамовъ дѣлался по отношенію къ ней „ласковъ“.

Вѣдь надо было додуматься до этого, дать широкій просторъ своей фантазіи, чтобы дойти до такой формы пытки, безъ членовредительства, безъ значительныхъ внѣшнихъ слѣдовъ, но въ то же время въ высшей степени тяжелой и нестерпимо мучительной для человѣка.

Въ этомъ и сказалась натура Аврамова.

Самъ онъ еще молодой, не болѣе 30—32 лѣтъ, высокаго роста, темный шатенъ, безъ бороды, но съ усами. Сложенъ красиво, стройно; въ его фигурѣ чувствуется большая физическая сила. Лицо крупное, красное и почти всегда пьяное; носъ некрасивый, на щекѣ большая бородавка. Одѣвается очень хорошо, и, повидимому, много занимается своей внѣшностью; очень любитъ музыку и иногда приходитъ отъ нея въ экстазъ; женатъ, но съ женой разошелся. До опубликованія письма Спиридоновой, онъ, не стѣсня-

ясь, показывался всюду, часто бывалъ въ театрѣ, показывался на всѣхъ собраніяхъ, вечеринкахъ. Послѣ же опубликованія этого непріятнаго для него документа онъ рѣже сталъ показываться, а въ театръ уже совсѣмъ не ходилъ; изъ гостиницы, гдѣ раньше стоялъ, переѣхалъ въ частную квартиру.

Когда пріѣхалъ въ Борисоглѣбскъ, въ первыхъ числахъ марта, генералъ Безладновъ для ревизіи мобилизованныхъ казачьихъ полковъ, Аврамовъ подалъ ему рапортъ о томъ, что онъ не можетъ продолжать службу, въ виду якобы разстроеннаго психическаго состоянія, но этотъ рапортъ былъ ему возвращенъ обратно. Адъютантъ генерала Безладнова допрашивалъ Аврамова по дѣлу истязанія Спиридоновой, но тотъ уклонялся отъ показаній, ссылаясь на разстроенное состояніе здоровья; также адъютантъ допрашивалъ и другихъ казаковъ, свидѣтелей по этому дѣлу. Говорятъ, Аврамовъ переведенъ теперь въ другую сотню.

Казаки въ Борисоглѣбскѣ чувствуютъ себя въ настоящее время силой, и ведутъ себя по отношенію къ мирнымъ обывателямъ въ высшей степени вызывающе. Они обходятъ частные дома съ различными поборами, большей частью въ одиночку. Является на кухню казакъ, съ подписнымъ листомъ въ одной рукѣ и нагайкой въ другой, вызываетъ хозяйку квартиры и, играя нагайкой, предлагаетъ ей подписать денегъ въ пользу казаковъ. Такой подписной листъ съ предложеніемъ подписать принесли и

г-жѣ Сл.; на листѣ значилось много подписей съ цифрами пожертвованій.

Увидя въ рукахъ казака нагайку, которой онъ выразительно помахивалъ, г-жа Сл. сейчасъ же подписала 3 рубля и, когда тотъ ушелъ, считала себя счастливой, что такъ дешево отдѣлалась. Въ одномъ случаѣ только непріятно почувствовалъ себя казакъ, когда по ошибкѣ попалъ въ квартиру желѣзнодорожнаго жандармскаго ротмистра Бѣлявскаго. Пришлось ему извиняться и просить не доводить этого непріятнаго инцидента до свѣдѣнія начальства.

9 марта вновь происходило свиданіе матери, сестры и брата, пріѣхавшихъ изъ Балашова, съ Маріей Спиридоновой. Происходило оно въ той же камерѣ и при обычныхъ условіяхъ. Только почему-то въ камерѣ стоялъ тазъ со льдомъ. Сестра давно не видала Марію: много мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Маруся пріѣзжала къ нимъ въ Балашовъ; больше съ того времени онѣ и не видались. Сестра и братъ нашли, что Маруся стала очень блѣдной, восковой и при этомъ какъ бы опухшей. На щекахъ рѣзкими пятнами выступалъ яркій ненормальный румянецъ. Подъ глазами рѣзкіе, огромные, будто намазанные углемъ, синяки; щека не зажила. Кровь горломъ сильно идетъ до сихъ поръ.

Маруся была очень бодра и ласкова. Сначала она высказывала желаніе, чтобы послѣ суда скорѣе подали апелляціонную жалобу, а потомъ рѣшила, что было бы еще лучше, если бы со-

вершенно не подавали апелляціонной жалобы; для дѣла это было бы полезнѣе: «Моя смерть нужна для счастья народа, для котораго я рѣшила пожертвовать собой».

Прокурору она сказала, что передъ тѣмъ, какъ ее будутъ вѣшать, передъ смертью, она «о чемъ-то его попроситъ».

ГЛАВА VI.

Интересны характеристики трехъ лицъ, связанныхъ съ дѣломъ Спиридоновой, а именно: Луженовскаго, Аврамова и Жданова. Кстати нужно замѣтить, что эти три лица были въ близкихъ и хорошихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, цѣнили достоинства каждаго и работали рука объ руку.

Луженовскій оказывалъ имъ обоимъ большое довѣріе и поручалъ важныя дѣла; еще въ Тамбовѣ онъ выдѣлилъ Жданова, какъ способнаго и вѣрнаго человѣка, и потому взялъ его съ собой въ усмирительную экспедицію. Аврамова онъ отыскалъ въ Борисоглѣбскѣ и оставилъ его при себѣ въ качествѣ охранителя.

Самъ Луженовскій — помѣщикъ Тамбовской губерніи, имѣнія Токаревки; среднихъ лѣтъ — 32—35. Окончилъ университетъ и поселился въ Тамбовѣ, гдѣ работалъ послѣднее время въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго.

Вся его дѣятельность, начиная со студенческихъ годовъ и кончая послѣдними полутора годами, носила характеръ стремленія проводить въ жизнь прогрессивныя начала освободительнаго движенія. Во время студенчества онъ якобы

пострадалъ за правду, какъ онъ самъ разсказывалъ, такъ какъ точно это никому не извѣстно, и будто бы отсидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ.

Работая затѣмъ въ Тамбовѣ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, онъ держался всегда самыхъ передовыхъ взглядовъ и не находилъ нужнымъ передъ кѣмъ-либо скрывать ихъ.

Наоборотъ, онъ любилъ всегда выставить свои либеральные взгляды напоказъ, афишировать ихъ.

На одномъ изъ обѣдовъ въ честь alma mater, 12 января, во время застольной рѣчи одного изъ своихъ пріятелей, въ которой тотъ проводилъ взглядъ, что студенты совершенно напрасно занимаются рѣшеніемъ общеполитическихъ вопросовъ, что это не ихъ дѣло, что имъ нужна только академическая свобода, Луженовскій очень взволновался, не могъ дослушать ее до конца, началъ кричать, чтобы тотъ замолчалъ, наконецъ не выдержалъ и бросился къ оратору со словами: «Я его побью! заставлю его замолчать!» Съ трудомъ Луженовскаго удержали.

На одномъ музыкальномъ вечерѣ курсистокъ онъ былъ приглашенъ въ качествѣ распорядителя, и тамъ, увлекаясь настроеніемъ и своей почетной ролью, совершенно даже не къ мѣсту, началъ говорить зажигательныя революціонныя рѣчи. Всѣ удивились и, хотя и слушали его, но не вѣрили въ искренность его словъ.

Въ прошломъ году въ «Тамбовскихъ Губерн-

скихъ Вѣдомостяхъ» появилось въ печати патріотическое стихотвореніе, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ одного крестьянина, въ которомъ тотъ пишетъ про себя, про свою темноту, и благодаритъ царя-батюшку за его реформы, такъ какъ благодаря имъ ему удалось выбраться изъ темноты.

При болѣе внимательномъ чтеніи оказалось, что это злой и грубый акростихъ на Сергѣя Григорьевича Кишкина (редактора «Тамб. Губ. Вѣд.»). Больше всѣхъ распространялъ это стихотвореніе самъ Луженовскій; онъ первый догадался, въ чемъ тутъ соль, и по городу ходили упорные слухи, что онъ же его авторъ. Луженовскій этихъ слуховъ не отрицалъ, и даже, смѣясь, соглашался съ ними.

Часто Луженовскій воевалъ со своими коллегами, другими присяжными повѣренными, обвинялъ ихъ въ некрасивомъ веденіи увѣчныхъ дѣлъ и требовалъ суда надъ ними. Часто высказывался по поводу того, что они берутся за темныя, нехорошія дѣла, накладывая пятно и подрывая этимъ довѣріе общества ко всему институту присяжныхъ повѣренныхъ.

Относительно Луженовскаго въ Тамбовѣ составились опредѣленное мнѣніе и репутація, какъ о честномъ и либеральномъ человѣкѣ, къ которому направлялось множество крестьянскихъ и рабочихъ дѣлъ. Ему крестьяне вѣрили, охотно шли къ нему, зная, что онъ за нихъ, крестьянъ, заступится не изъ-за гонорара, а для возстановленія истины и справедливости, въ силу хоро-

шихъ, честныхъ свойствъ своей души и запросовъ совѣсти.

Однажды, по одному изъ такихъ дѣлъ, онъ пришелъ за справкой въ канцелярію государственныхъ имуществъ, относительно лѣса, и когда справка оказалась неисполненной, задержанной по какому-то пустяку изъ-за канцелярской волокиты, онъ пришелъ въ сильное волненіе и сказалъ: «Да! у васъ у всѣхъ крестьянскія дѣла—послѣднія; какъ только хватаетъ у крестьянъ терпѣнія ждать; я понимаю ихъ, если они пойдутъ на васъ, я самъ впереди ихъ понесу красное знамя!»...

Черезъ нѣсколько дней послѣ такого сильнаго заключенія, высказаннаго въ присутствіи всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, онъ предложилъ въ собраніи членовъ тамбовскаго клуба послать отъ лица всего клуба телеграмму, съ глубокой надеждой на несокрушимость самодержавной власти, съ выраженіемъ любви и преданности и т. д., и сказалъ: «Кто не согласенъ? — прошу встать!»

Это было во время «весны» Святополкъ-Мирскаго.

Этотъ вопросъ былъ дипломатично снятъ членами клуба съ обсужденія, въ виду того, что онъ не былъ помѣченъ въ повѣсткѣ и что для его обсужденія не находилось въ засѣданіи достаточнаго количества членовъ. Тѣмъ не менѣе, Луженовскій послалъ таковую телеграмму отъ лица собранія за своей подписью.

Когда это узнали, было созвано новое со-

браніе, и вопросъ о телеграммѣ былъ совершенно проваленъ; но депеша Луженовскаго была уже послана, и отвѣтная телеграмма на его имя, «съ благодарностью», получена.

Послѣ телеграммы, къ нему пріѣхалъ съ визитомъ сначала архіерей, затѣмъ губернаторъ, и съ этихъ дней начала расцвѣтать слава и развиваться блестящая карьера Луженовскаго на новомъ его поприщѣ.

Когда отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ посылали петицію министру юстиціи Муравьеву, съ ходатайствомъ вернуть Судебные Уставы 1864 года, и собирали подписи, Луженовскій подписался послѣднимъ, сдѣлавъ слѣдующую оговорку: «Судебные Уставы были отобраны правильно у русскаго общества, не умѣвшаго ими пользоваться на точномъ основаніи статей... Даръ отбирается, если одаренный оказывается неблагодарнымъ». — Послѣ этого совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ хотѣлъ исключить его изъ своей корпораціи, но онъ предупредилъ совѣтъ, и вышелъ самъ, не дожидаясь офиціальнаго постановленія.

Послѣ этого администрація назначила его совѣтникомъ губернскаго правленія, гдѣ онъ пріобрѣлъ себѣ славу усердствующаго цензора «Тамбовскаго Голоса», вычеркивая цѣлые номера газеты. Потомъ Луженовскій усиленно занялся организаціей черной сотни, для чего къ его услугамъ былъ предоставленъ губернскій органъ «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости». Тамъ онъ помѣщалъ статьи, удивительныя по своему

цинизму, открытому порицанію всего того, чему онъ прежде вѣрилъ и поклонялся. На страницахъ этой газеты, бесѣдуя со вновь организованной бандой—черной сотней, которой онъ считается родоначальникомъ и патріархомъ, Луженовскій торопливо сжигалъ свои корабли, сжигалъ безъ остатка, съ озлобленіемъ, подкидывая горючіе матеріалы, чтобы ускорить этотъ процессъ.

И дѣйствительно, вскорѣ онъ былъ отмѣченъ высшимъ начальствомъ, какъ человѣкъ, вполнѣ преданный бюрократизму, готовый раздѣлить и участвовать во всѣхъ дѣяніяхъ его, какъ человѣкъ, достаточно убившій въ себѣ «душу живу».

Правительство назначило его съ отрядомъ солдатъ усмирять крестьянъ и подавить аграрные безпорядки. Здѣсь онъ развернулся во-всю, далъ выходъ всѣмъ своимъ жестокимъ инстинктамъ; не было границъ его безпредѣльной жаждѣ мучить и причинять страданія лицамъ, сталкивавшимся съ нимъ. Вѣрны были слова Аврамова, обращенныя къ Спиридоновой во время пытокъ надъ ней: «У насъ цѣлыя села коровами ревѣли!»—Дѣйствительно ревѣли коровами, но въ то же время и проклинали своего палача, взывали къ отмщенію, призывали смерть мучителю.

Крестьяне на сходахъ сговаривались, что если бы нашлась такая душа, которая избавила бы всю округу отъ этого звѣря, то они заранѣе берутся замолить вину передъ Господомъ Богомъ за содѣянный грѣхъ, принявъ на себя отвѣтственность за него, за эту пролитую кровь. Не та душа будетъ отвѣчать передъ Господомъ, а

всѣ они, крестьяне, всѣ измученные, изстрадавшіеся, засѣченные имъ... Вотъ кто понесетъ отвѣтъ Богу!..

Когда крестьяне селенія «Пески», находящагося недалеко отъ Борисоглѣбска, узнали, что недавній укротитель ихъ, Луженовскій, кѣмъ-то убитъ, они послали въ городъ Борисоглѣбскъ трехъ крестьянъ, чтобы тѣ точно узнали имя человѣка, избавившаго ихъ отъ жестокаго мучителя, одно воспоминаніе о которомъ вызывало кошмаръ среди населенія.

Имъ необходимо было узнать имя избавителя, чтобы поминать его въ церкви, при чемъ, если то лицо живо, то за здравіе, если же умерло, то за упокой души. Теперь тамъ имя «Марія» занесено въ поминаніе, и все селеніе знаетъ его и возноситъ свои горячія мольбы предъ Богомъ, когда священникъ произноситъ «о здравіи болящей Маріи».

Въ городѣ Борисоглѣбскѣ обыватели очень интересовались, сколькими пулями и куда былъ раненъ Луженовскій. Они настолько хотѣли его смерти, что когда узнали, что Луженовскій не убитъ, а только раненъ, то ходили спеціально къ доктору, чтобы узнать его мнѣніе, дѣйствительно ли Луженовскій останется живъ: возможно ли получить выздоровленіе послѣ двухъ пуль, попавшихъ въ животъ.

Когда получали отрицательный отвѣтъ — радовались и успокаивались. А между тѣмъ, Луженовскій долго не умиралъ: его богатырскій организмъ въ теченіе 5-ти недѣль боролся со

смертью; онъ сильно мучился, заживо разлагаясь; по натурѣ онъ былъ очень жирный, толстый человѣкъ. Раны сильно гноились, не заживали; началось на животѣ рожистое воспаленіе, которое все росло и увеличивалось, грозя захватить все тѣло. При перевязкахъ прилипали куски мяса, сгнившая кожа. Страданія были большія. Отъ него пахло такъ нестерпимо, что съ трудомъ могли переносить окружавшіе его даже въ сосѣдней комнатѣ.

По поводу его долгихъ мученій мнѣ пришлось слышать разговоръ въ вагонѣ между двумя крестьянками:

„Вотъ какъ справедливъ Господь!.. Накажетъ, да такъ накажетъ, что во всемъ видна Его премудрость Божія. Взять вотъ, напримѣръ, Богдановича... много зла сдѣлалъ, много горя причинилъ людямъ; ну, Господь и наказалъ его... Убили... и мучился онъ 3 дня.—А вотъ нынче-то, Луженовскаго Господь Богъ покаралъ .. Ну, этотъ сдѣлалъ столько зла, столько зла, что и не приведи Богъ... Куда Богдановичу!!... (и махнула рукой). Словомъ, и не разскажешь всего, сколько погубилъ народу...

„Тоже наказалъ его Господь, да такъ наказалъ, что 40 дней положилъ ему мучиться...

„Всѣ наши слезы, стоны припомнились ему за эти 40 дней... отомстились ему!

„Онъ захлебывался въ собственныхъ стонахъ и крикахъ, чувствуя, сколько страданія мы перенесли отъ его рукъ! Да! Во всемъ видна справедливость Божія...“

Луженовскій принималъ всякія мѣры, чтобы уберечься отъ покушенія на его жизнь. Когда онъ допрашивалъ кого-нибудь, хотя бы даже въ качествѣ свидѣтеля, непремѣнно передъ этимъ каждаго человѣка обыскивали, и отбирали даже перочинные ножи. Затѣмъ, когда вводили опрашиваемаго предъ очи Луженовскаго, онъ любезно просилъ извиненія за произведенный обыскъ, указывая, что подобная мѣра вызывается неспокойствіемъ въ странѣ, что она, хотя и непріятна, но, къ сожалѣнію, необходима.

Допросъ онъ всегда велъ въ пріятной и спокойной формѣ; всегда былъ очень любезенъ, старался любезностью и вниманіемъ загипнотизировать своего противника, войти въ его душу и тамъ уже расправить свои острые когти.

По своей внѣшности, Луженовскій былъ до смѣшного отвратителенъ. Огромнаго роста, широкоплечій и непомѣрно толстый, не толстый даже, а жирный, настолько жирный, что казалось, у него нѣтъ ни мускуловъ ни костей, а одинъ только мягкій, желтый жиръ; только одинъ жиръ...

Брюнетъ, курчавый, безъ бороды, съ небольшими усами. Лицо, страшно большое, отъ толщины казалось круглымъ, опухшее, мягкое, желтое; глаза большіе, на выкатѣ. Толстыя, мясистыя губы были раскрыты, точно нѣтъ силъ закрыть ихъ; вѣки тяжелыя, опухшія, какъ тряпки повисли надъ глазами; большой, мясистый носъ.

Письмо Спиридоновой.

Дорогіе товарищи! Луженовскій ѣхалъ послѣдній разъ по той дорогѣ. Изъ Борисоглѣбска онъ ѣхалъ въ экстренномъ поѣздѣ. Надо было убить его именно тогда. Я пробыла на одной станціи сутки, на другой тоже и на третьей двое сутокъ. Утромъ, при встрѣчѣ поѣзда, по присутствію казаковъ рѣшила, что ѣдетъ Луженовскій. Взяла билетъ 2 класса, рядомъ съ его вагономъ; одѣтая гимназисткой, розовая, веселая и спокойная, я не вызывала никакого подозрѣнія. Но на станціи онъ не выходилъ.

По приходѣ поѣзда въ Борисоглѣбскъ, съ платформы жандармы и казаки сгоняли все живое. Я вошла въ вагонъ и на разстояніи 12—13 шаговъ, съ площадки вагона, сдѣлала выстрѣлъ въ Луженовскаго, проходившаго въ густой цѣпи казаковъ. Такъ какъ я была очень спокойна, то я не боялась не попасть, хотя пришлось мѣтиться черезъ плечо казака; стрѣляла до тѣхъ поръ, пока было возможно. Послѣ перваго выстрѣла Луженовскій присѣлъ на корточки, схватился за животъ и началъ метаться, по направленію отъ меня, по платформѣ. Я въ это время сбѣжала съ площадки вагона на платформу и быстро, разъ за разомъ, мѣняя ежесекундно цѣль, выпустила еще три пули. Всего, по показанію Богородицкаго, нанесено 5 ранъ: двѣ въ животъ, двѣ въ грудь и одна въ руку.

Обалдѣлая охрана въ это время опомнилась: вся платформа наполнилась казаками, раздались крики: «бей», «руби», «стрѣляй!» Обнажились шашки. Когда я увидѣла сверкающія шашки, я рѣшила, что тутъ пришелъ мой конецъ, и рѣшила не даваться имъ живой въ руки. Въ этихъ цѣляхъ я поднесла револьверъ къ виску, но на полдорогѣ рука опустилась, а я, оглушенная ударами, лежала на платформѣ. «Гдѣ вашъ револьверъ?» — слышу голосъ наскоро меня обыскивавшаго казачьяго офицера. И стукъ прикладомъ по тѣлу и головѣ отозвался сильной болью во всемъ тѣлѣ. Пыталась сказать имъ: «Ставьте меня подъ разстрѣлъ». Удары продолжали сыпаться. Руками я закрывала лицо; прикладами руки снимались съ него. Потомъ казачій офицеръ, высоко поднявъ меня за закрученную на руку косу, сильнымъ взмахомъ бросилъ на платформу. Я лишилась чувствъ, руки разжались, и удары посыпались по лицу и головѣ. Потомъ за ногу потащили внизъ по лѣстницѣ; голова билась о ступеньки; за косу внесена на извозчика.

Въ какомъ-то домѣ спрашивалъ казачій офицеръ, кто я и какъ моя фамилія. Идя на актъ, рѣшила ни одной минуты не скрывать своего имени и сущности поступка. Но тутъ забыла фамилію и только бредила. Били по лицу и въ грудь. Въ полицейскомъ управленіи была раздѣта, обыскана, отведена въ камеру, холодную, съ каменнымъ поломъ, мокрымъ и грязнымъ.

Въ камеру въ 12 или 1 часъ дня пришелъ по-

мощникъ пристава Ждановъ и казачій офицеръ Аврамовъ; я пробыла въ ихъ компаніи, съ небольшими перерывами, до 11 часовъ вечера. Они допрашивали и были такъ виртуозны въ своихъ пыткахъ, что Иванъ Грозный могъ бы имъ позавидовать. Ударомъ ноги Ждановъ перебрасывалъ меня въ уголъ камеры, гдѣ ждалъ меня казачій офицеръ, наступалъ мнѣ на спину и опять перебрасывалъ Жданову, который становился на шею. Они велѣли раздѣть меня донага и не велѣли топить мерзлую и безъ того камеру. Раздѣтую, страшно ругаясь, они били нагайками (Ждановъ) и говорили: «Ну, барышня (ругань), скажи зажигательную рѣчь!» Одинъ глазъ ничего не видѣлъ, и правая часть лица была страшно разбита. Они нажимали на нее и лукаво спрашивали: «Больно, дорогая? Ну, скажи, кто твои товарищи!»

Я часто бредила и, забываясь въ бреду, мучительно боялась сказать что-либо. Въ показаніяхъ этихъ не оказалось ничего важнаго, кромѣ одной чуши, которую я несла въ бреду.

Придя въ сознаніе, я назвала себя, сказала, что я соціалистка-революціонерка и что показанія дамъ слѣдственнымъ властямъ; то, что я тамбовка, могутъ засвидѣтельствовать товарищъ прокурора Каменевъ и другіе жандармы. Это вызвало бурю негодованія: выдергивали по одному волосу изъ головы и спрашивали, гдѣ другіе революціонеры. Тушили горящую папиросу о тѣло и говорили: «кричи же, сволочь!» Въ цѣляхъ заставить кричать, давили ступни «изящ-

ныхъ», — такъ они называли, — ногъ сапогами, какъ въ тискахъ, и гремѣли: „кричи!“ (ругань).— „У насъ цѣлыя села коровами ревутъ, а эта маленькая дѣвчонка ни разу не крикнула ни на вокзалѣ ни здѣсь. Нѣтъ, ты закричишь, мы насладимся твоими мученіями, мы на ночь отдадимъ тебя казакамъ...—Нѣтъ,—говорилъ Авраамовъ, -сначала мы, а потомъ казакамъ“... И грубое объятіе сопровождалось приказомъ: „кричи!“. Я ни разу, за все время битья на вокзалѣ и потомъ въ полиціи, не крикнула. Я все бредила.

Въ 11 час. съ меня снималъ показаніе судебный слѣдователь, но онъ въ Тамбовѣ отказался дать матеріалъ, такъ какъ я все время бредила. Повезли въ экстренномъ поѣздѣ въ Тамбовъ. Поѣздъ идетъ тихо. Холодно, темно. Грубая брань Аврамова висѣла въ воздухѣ. Онъ страшно ругаетъ меня. Чувствуется дыханіе смерти. Даже казакамъ жутко. „Пой, ребята, что вы пріуныли, пой, чтобы эти сволочи подохли при нашемъ веселіи!“ Гиканье и свистъ. Страсти разгораются, сверкаютъ глаза и зубы, пѣсня отвратительна. Брежу: воды — воды нѣтъ. Офицеръ ушелъ со мной во II классъ. Онъ пьянъ и ласковъ, руки обнимаютъ меня, разстегиваютъ, пьяныя губы шепчутъ гадко: «Какая атласная грудь, какое изящное тѣло»... Нѣтъ силъ бороться, нѣтъ силъ оттолкнуть. Голоса не хватаетъ, да и безполезно. Разбила бы голову, да не обо что. Да и не даетъ озвѣрѣлый негодяй. Сильнымъ размахомъ сапога онъ ударяетъ мнѣ

въ сжатыя ноги, чтобы обезсилить ихъ; зову пристава, который спитъ. Офицеръ, склонившись ко мнѣ и лаская мой подбородокъ, нѣжно шепчетъ мнѣ: „Почему вы такъ скрежещете зубами—вы сломите ваши маленькіе зубки".

Не спала всю ночь, опасаясь окончательно насилія. Днемъ предлагаетъ водки, шоколаду; когда всѣ уходятъ, ласкаетъ. Предъ Тамбовомъ заснула на часъ. Проснулась, потому что рука офицера была уже на мнѣ. Везъ въ тюрьму и говорилъ: „вотъ я васъ обнимаю". Въ Тамбовѣ бредъ, и сильно больна.

Показанія слѣдующія: 1) Да, хотѣла убить Луженовскаго по предварительному соглашенію и т. д. 2) По постановленію тамбовскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ, за преступное засѣканіе и безмѣрное истязаніе крестьянъ во время аграрныхъ и политическихъ безпорядковъ и послѣ нихъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ былъ Луженовскій, за разбойничьи похожденія Луженовскаго въ Борисоглѣбскѣ въ качествѣ начальника охраны, за организацію черной сотни въ Тамбовѣ и какъ отвѣтъ на введеніе военнаго положенія и чрезвычайной и усиленной охраны въ Тамбовѣ и другихъ уѣздахъ. Тамбовскимъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ былъ вынесенъ приговоръ Луженовскому; въ полномъ согласіи съ этимъ приговоромъ и въ полномъ сознаніи своего поступка, я взялась за исполненіе этого приговора.

Слѣдствіе кончено; до сихъ поръ сильно больна, часто брежу. Если убьютъ, умру спокойно и съ хорошимъ чувствомъ въ душѣ.

Спиридонова.

Въ Москвѣ я видѣлся съ присяжнымъ повѣреннымъ Н. В. Тесленко и интервьюировалъ его по дѣлу Маріи Спиридоновой; онъ былъ приглашенъ родственниками ея въ качествѣ защитника. Тесленко прибылъ въ Тамбовъ наканунѣ суда и имѣлъ возможность получить свиданіе съ подсудимой въ тотъ же день, но съ громадными трудностями

Для всѣхъ еще памятенъ арестъ въ Тамбовѣ присяжнаго повѣреннаго Кальмановича, пріѣхавшаго защищать Катина, приговореннаго къ смертной казни; со времени ареста Кальмановича прошло всего три мѣсяца, и этотъ арестъ являлся мѣрой устрашенія, чтобы на будущее время адвокаты не пріѣзжали для защиты такихъ лицъ, которыхъ администрація заранѣе обрекала на смерть. Поэтому въ Тамбовѣ были увѣрены, что теперь никто изъ адвокатовъ не пріѣдетъ для защиты Маріи Спиридоновой, и были очень удивлены, когда увидали, что нашелся такой смѣльчакъ, который не побоялся подвергнуться всякимъ темнымъ случайностямъ и лишенію свободы. Зато администрація приняла мѣры, чтобы различными незаконными путями тормозить дѣятельность защиты, не допускать свиданія съ подсудимой, и Тесленкѣ пришлось много повоевать, затратить много энергіи, чтобы защи-

тить свои законныя права и добиться свиданія съ подсудимой наединѣ до суда.

Тесленко просидѣлъ съ подсудимой полтора часа; она разсказывала ему о тѣхъ истязаніяхъ, которыя продѣлали надъ ней Аврамовъ и Ждановъ. Послѣ суда у Тесленки было второе свиданіе со Спиридоновой, длившееся болѣе 2-хъ часовъ, тоже наединѣ. При второмъ свиданіи она разсказала своему защитнику всѣ подробности ея путешествія въ вагонѣ отъ Борисоглѣбска до Тамбова, взявъ съ него честное слово, что онъ опубликуетъ ихъ, во всѣхъ ихъ ужасныхъ подробностяхъ, послѣ ея смерти, послѣ того, какъ ее повѣсятъ. Она открыла ему всю свою душу, открыла ужасную тайну, которая ее терзаетъ даже теперь, при одной мысли о случившемся. Она взяла съ него честное слово, что никому, даже въ простомъ разговорѣ, онъ не скажетъ ничего изъ того, что она ему повѣдала.

Когда Марія Александровна открывала ему свою тайну, она переживала такой ужасъ, въ такомъ нервномъ волненіи находилась въ эти минуты, что Тесленкѣ дѣлалось жутко при одной мысли, что должна была перечувствовать, перестрадать эта геройская дѣвушка, которая съ спокойнымъ лицомъ выслушала свой приговоръ къ смерти, передъ глазами которой смерть неотступно стоитъ въ видѣ призрака, ощущается ею каждую минуту... и все-таки она относится къ этому съ мужественнымъ, поразительнымъ хладнокровіемъ; тогда какъ одно воспоминаніе ея о

поѣздкѣ въ вагонѣ вызываетъ страшное нервное потрясеніе.

* *
*

Выше я сообщилъ изъ прямыхъ источниковъ, что Спиридонова обратилась съ просьбой къ прокурору высказать ему передъ смертью «свою просьбу о чемъ-то». Читатель, не оскверняя цѣломудрія и чистоты дѣвушки, рѣшите въ своей душѣ, до какого безумнаго насилія, до какой неслыханной низости дошелъ Аврамовъ въ своихъ чудовищныхъ и сладострастныхъ истязаніяхъ.

Спиридонова разсказывала еще о многихъ другихъ подробностяхъ пытокъ въ борисоглѣбскомъ застѣнкѣ; она подтвердила своему повѣренному, что первое свое письмо написала въ полномъ сознаніи, и ясно себѣ представляла все то, что ей пришлось пережить въ застѣнкѣ. Писавъ то письмо, она очень торопилась, такъ какъ за ней былъ весьма строгій надзоръ, въ особенности со стороны часовыхъ, наблюдавшихъ за ней черезъ форточку въ двери; поэтому въ томъ письмѣ было много пропусковъ: она многое не успѣла изложить, да, кромѣ того, и въ памяти тогда еще не все возстановила, такъ какъ не совсѣмъ оправилась. Изъ всѣхъ ея разсказовъ г. Тесленко получилъ впечатлѣніе, что ея пытки и истязанія Аврамовымъ носили характеръ не только желанія причинить боль и муки своей терзаемой жертвѣ, но и удовлетворить свое сладострастіе, свои болѣзненные животные инстинкты. На ея несчастье, она кра-

сива, прекрасно сложена, и вся ея внѣшность, по мнѣнію Тесленки, весьма привлекательна; поэтому ея красивый видъ возбуждалъ Аврамова и Жданова къ еще большимъ и большимъ мученіямъ, разжигая ихъ скотскія чувства похоти. Все время, съ 2 часовъ дня и до 12 часовъ ночи, она находилась въ застѣнкѣ въ одной рубашкѣ, гдѣ было настолько холодно, что даже въ пальто ощущался холодъ. Когда все тѣло ея было избито, лицо ея тоже было избито до того, что все вздулось, опухло, Аврамовъ началъ бить по зубамъ, а Ждановъ продолжалъ бить по щекѣ. Въ это время одинъ глазъ совершенно закрылся, а другой съ трудомъ различалъ окружающее; часто Аврамовъ подносилъ револьверъ къ ея виску и грозилъ застрѣлить ее, если не скажетъ, кто ея любовники, а потомъ отнималъ револьверъ и ручкой его ударялъ Спиридонову по щекѣ, въ скулу.

Аврамовъ продѣлывалъ еще такія вещи: упирался ногою въ животъ, билъ нагайкой по лицу, произносилъ омерзительную ругань и кричалъ ей:

— Богиня! скажи зажигательную ругань!

Много разъ пыталась она прикрыть свою наготу роскошными, пушистыми и длинными волосами, но Аврамовъ откидывалъ ихъ и хлесталъ ее нагайкой; затѣмъ начиналъ вырывать изъ головы отдѣльные волосы, раздувалъ ихъ по воздуху и съ нѣжнымъ видомъ участья спрашивалъ: «Больно тебѣ, моя дорогая? — головка болитъ? А скажи-ка, гдѣ твои эсеровцы?» — и

въ это время новый клокъ волосъ оказывался въ рукахъ истязателя. Когда она падала на полъ и, не будучи въ состоянiи подняться, лежала безъ движенiя, Аврамовъ и Ждановъ подымали ее ударами своихъ сапогъ; эти удары приходились, куда попало: и въ голову, и въ грудь, и въ спину.

Во время истязанiй Аврамовъ, упиваясь ея муками, часто восклицалъ: «О! я заставлю тебя, дорогая, кричать, я буду наслаждаться твоими муками, я наслажусь ими всласть. Я сдѣлаю такъ, что само небо содрогнется!» И дѣйствительно, эти угрозы онъ приводилъ въ исполненiе. Когда Аврамовъ отрывалъ руками края приподнятой кожи у пораненныхъ мѣстъ, Спиридонова терпѣла самыя ужасныя муки. Она говорила г. Тесленкѣ, что это самая страшная боль, которую ей пришлось терпѣть. Она переживала въ это время такое чувство, какъ будто бы ей сдирали со всего тѣла кожу. Муки были нестерпимы, и вотъ тогда-то она стискивала зубы до такой степени, что они хрустѣли у нея.

Въ эти минуты Аврамовъ съ ласковой улыбкой говорилъ ей:

— Милая барышня, что вы такъ скрежещете зубками, вы ихъ сломите! Перестаньте!—И новый кусочекъ кожи сдирался при неимовѣрныхъ ея страданiяхъ.

Особенно сильно удручало Спиридонову и вызывало въ ней ужасъ, когда, измученная, избитая, лежа, забывалась она въ минуты отдыха палачей, и вдругъ она замѣчала, что дверь ти-

хонько раскрывалась, и два звѣря, наподобіе крадущихся тигровъ, на цыпочкахъ, съ согнутыми фигурами, подкрадывались къ ней съ осторожностью хищниковъ, подстерегающихъ свою добычу, а затѣмъ сразу кидались на нее и страшными ударами нагаекъ давали ей чувствовать, что добыча уже въ рукахъ ихъ, хищниковъ. Это подкрадываньe, дѣйствія ползкомъ, крадучись, вызывали въ Спиридоновой страшный кошмаръ. Такія пытки продѣлывались много разъ, и она до сихъ поръ не можетъ вспомнить ихъ безъ содроганія.

По настоянію защиты, былъ приглашенъ на судъ, въ качествѣ свидѣтеля, тюремный врачъ Финкъ, который дѣлалъ медицинскій осмотръ Спиридоновой, когда ее привезли изъ Борисоглѣбска въ Тамбовъ; кромѣ того, онъ давалъ свои заключенія относительно теперешняго состоянія ея здоровья.

* *
*

Относительно ея здоровья въ настоящее время докторъ сказалъ слѣдующее: «У Спиридоновой развился туберкулезъ легкихъ въ жестокой формѣ, горломъ идетъ сильно кровь; ослабленіе зрѣнія—одинъ глазъ видитъ только свѣтъ; ослабленіе слуха; ослабленіе памяти—она совершенно забыла французскій языкъ, который раньше, до этого, хорошо знала; развились сильныя головныя боли».

На судѣ она кое-что разсказывала о своихъ

пыткахъ, но не все, а то, что приходилось лишь къ слову.

Когда къ 12-ти часамъ ночи истязанія были закончены, Спиридонову повезли къ слѣдователю, который въ своемъ протоколѣ подтвердилъ, что она была такъ избита, такъ истерзана, что не могла ни стоять ни сидѣть. Туловище ея валилось, а голова сильно свѣшивалась впередъ. Отъ слѣдователя ее повезли въ саняхъ, запряженныхъ тройкой лошадей, на станцію, для отправки въ Тамбовъ. Тутъ же въ саняхъ помѣстились Аврамовъ, Ждановъ и нѣсколько казаковъ; обращеніе съ ней было въ высшей степени безцеремонное, наглое: ее хватали за косу, обнимали за талію, говорили самыя непристойныя мерзости.

Аврамовъ хвастливо, обращаясь къ казакамъ, спрашивалъ ихъ: «Вы были со мной въ «Пескахъ»; не правда ли, здорово всыпали тамъ крестьянамъ, будутъ насъ долго помнить?»—затѣмъ обращался къ Спиридоновой: «Ваша хорошенькая головка очень умна, и вы должны понять, что мужиковъ надо бить; да, я убивалъ ихъ, засѣкалъ ихъ до смерти. Такъ имъ и надо! они, мужики—дѣти; поэтому ихъ надо бить и учить».

Тутъ же Аврамовъ грозилъ отдать ее казакамъ для изнасилованія.

На Тесленко Спиридонова произвела очень сильное впечатлѣніе. Послѣ нѣсколькихъ словъ разговора, по его словамъ, чувствуется въ ней большая, крупная личность, сразу передается на собесѣдника вліяніе психическаго типа высокой

пробы. Держится она необыкновенно просто. За два раза его свиданій съ нею, при чемъ второе было послѣ объявленія смертнаго приговора, Тесленко ни разу не замѣтилъ, чтобы ее угнетало то положеніе, въ которомъ она находится, та близость смерти, къ которой она совершенно готова. Говоритъ она очень просто и искренно; не вѣрить ей нельзя. Такое же впечатлѣніе произвела она и на судей; въ каждомъ словѣ сквозили и чувствовались искренность и правдивость ея. Въ разговорѣ съ нею быстро проникаешься сознаніемъ личности, крупной по уму, по силѣ характера, по стойкости воли; всѣ эти достоинства и преимущества гармонируютъ со всей ея натурой. Въ ней нѣтъ заученности въ формахъ, узости и односторонности во взглядахъ, доктринерства. Говоритъ очень хорошо и весьма оживленно.

Послѣднее слово Спиридоновой, записанное г. Тесленко, было слѣдующее: «Господа судьи, оглянитесь кругомъ: гдѣ вы видите веселыя лица довольныхъ и счастливыхъ людей? Ихъ нѣтъ! Даже тѣ, на сторонѣ которыхъ сейчасъ торжество, отзываются печалью, потому что они знаютъ, что торжество ихъ скоро кончится, потому что всѣ придавленные, угнетенные и измученные перестанутъ стонать, а придумаютъ что-нибудь иное, найдутъ выходъ. Я ухожу изъ этой жизни. Вы можете меня убить, вы можете меня нѣсколько разъ хотя бы убить, можете изобрѣсти самыя ужасныя наказанія, но

прибавить къ тому, что я вынесла, ничего не можете.

«Смерти я не боюсь. Убивайте меня, — вы не сможете убить мою вѣру въ то, что настанетъ пора народнаго счастья, народной свободы, когда народная жизнь выльется въ формы, гдѣ правда и справедливость будутъ реализованы, когда идеи братства и свободы не будутъ пустой звукъ, а воплотятся въ дѣйствительность. О, за это, право, не жалко отдать свою жизнь!.. Кончила».

На судѣ дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ; помимо присяжнаго повѣреннаго г. Тесленко, защищалъ ее, по назначенію отъ суда, казачій есаулъ, военный юристъ Филимоновъ. Въ залъ были допущены мать подсудимой и сестра, пріѣхавшая изъ Балашова. Мать скоро ушла изъ зала засѣданія: не могла выдержать, разрыдалась...

Свидѣтелей было вызвано со стороны обвиненія только два лица: борисоглѣбскій исправникъ и врачъ, лѣчившій Луженовскаго.

Прочтеніе обвинительнаго акта не заняло много времени. Послѣ его прочтенія Спиридонова встала и сама давала суду всѣ объясненія.

Въ первую минуту она много кашляла, и платокъ ея окрасился кровью. Каждый разъ, когда она взволнуется, ее душатъ сильные приступы кашля, и идетъ горломъ кровь. Потомъ она оправилась и разсказала всѣ обстоятельства убійства Луженовскаго, а также, за что его убила; она подтвердила, что въ продолженіе долгаго времени

не могла напасть на слѣдъ Луженовскаго, и 16-го января рѣшила поѣхать со станціи Жердевка въ Борисоглѣбскъ; сѣвъ въ вагонъ 3-го класса, она не знала, что въ этомъ самомъ поѣздѣ ѣдетъ Луженовскій, котораго она съ такимъ упорствомъ разыскивала. Онъ ѣхалъ въ отдѣльномъ вагонѣ, въ хвостѣ поѣзда. Когда она догадалась по казакамъ, то, чтобы быть ближе къ нему, обмѣняла билетъ на II классъ и слѣдила за тѣмъ, не выйдетъ ли куда-нибудь Луженовскій. Это случилось въ Борисоглѣбскѣ, гдѣ она его ранила 4-мя пулями, отъ которыхъ и произошла смерть.

Она пояснила, что убила его по добровольному согласію и порученію комитета соціалистовъ-революціонеровъ, членомъ котораго она состояла.

Причинами, послужившими комитету вынести смертный приговоръ Луженовскому, были его преступныя дѣйствія при усмиреніи аграрнаго движенія въ Тамбовской губерніи, учрежденіе и руководительство имъ въ городѣ Тамбовѣ черной сотней. Она подробно описывала тѣ ужасы и звѣрства, которыя чинилъ Луженовскій въ губерніи надъ крестьянами, засѣкая ихъ и разоряя ихъ имущественно. Она настолько правдиво и искренно описывала всѣ событія, что обѣ стороны отказались отъ допроса вызванныхъ свидѣтелей для выясненія обстановки, при которой было совершено убійство.

Въ одинъ день было закончено разбирательство дѣла, и къ вечеру ей вынесли приговоръ

смертная казнь черезъ повѣшеніе. Приговоръ военнаго суда былъ посланъ на утвержденіе командующаго войсками московскаго военнаго округа, въ виду того, что во время убійства Луженовскаго Борисоглѣбскъ не былъ на военномъ положеніи. а лишь на положеніи чрезвычайной охраны. Конфирмація приговора зависитъ отъ исполняющаго должность командующаго, бывшаго министра народнаго просвѣщенія Глазова.

Она была весела, улыбалась и привѣтливо кивала головой при встрѣчахъ со своими знакомыми, когда ее везли въ судъ. Былъ одиннадцатый часъ утра. Рядомъ съ ней сидѣлъ на извозчикѣ жандармъ, а кругомъ ея верхами гарцовали казаки.

Было хорошее утро; солнце ярко освѣщало пробуждающуюся весеннюю природу; оно своими мягкими, теплыми лучами нѣжно ласкало первые проблески новой жизни, ободряя души, вселяя надежды. На улицахъ было много народа: многіе хотѣли ее видѣть, и поклониться ей.

Она была блѣдна; только щеки неестественно горѣли красными пятнами, да темные круги подъ глазами придавали ей что-то воодушевленное, загадочное. Большіе глаза, казалось, смотрѣли откуда-то изъ глубины, изъ черной пропасти, и оттуда горѣли прекраснымъ, неземнымъ огнемъ. Эти глаза уже ощущали близость смерти. Она знала, что другого приговора,

кромѣ того, который она получила, и не могло быть.

Да, кромѣ того, смерть теперь ей будетъ желаннымъ концомъ, выходомъ изъ настоящаго положенія...

Она много принесла уже на алтарь своей родины; она принесла свои муки, страданія. Она отдала ей свою чистоту, цѣломудріе дѣвушки, красоту, молодость.

Теперь же ей вѣчный покой будетъ лучшимъ концомъ, лучшимъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ послѣ ея мукъ. Все равно, жить она не можетъ. Она не переживетъ всего того, что перенесла за это время. Она умретъ счастливо... съ радостью...

Такъ говорили ея умные, выразительные глаза... Такъ говорило ея вдохновенное, прекрасное лицо...

Судъ продолжался всего 3—3½ часа.

Около 3-хъ часовъ дня ее такъ же провезли черезъ весь городъ изъ залы суда назадъ, въ тюрьму.

Попрежнему по улицамъ гуляли толпы народа. Приговоръ суда: «Смертная казнь черезъ повѣшеніе», какъ молнія облетѣлъ весь городъ. Всѣ знали, что теперь ее везутъ уже «приговоренной къ смерти».

Она попрежнему весело смотрѣла своими большими глазами на эту нарядную, гуляющую толпу. На лицѣ ея этотъ страшный приговоръ ничѣмъ не отразился. Она ѣхала, какъ будто не была вблизи призрака смерти. Она такъ же

улыбалась, такъ же привѣтливо и мило кивала головой своимъ знакомымъ...

И эта готовность къ смерти, такое равнодушное отношеніе къ жизни въ то время, когда полной грудью вдыхаешь въ себя весенній кислородъ воздуха, когда нѣжные лучи ласкающаго солнца яркими, красивыми бликами ложатся на щеки, на лицо, когда кругомъ шумъ, говоръ сытой и веселой толпы, съ ея животной потребностью хвататься за жизнь до послѣдней капли своей крови, до послѣдняго издыханія,— все это производило ужасное, потрясающее впечатлѣніе.

При свиданіи съ сестрой Женей послѣ суда, Марія говорила, что смерть ея неизбѣжна, что, послѣ всѣхъ униженій, всего пережитаго во время истязанія ея палачами, ей хочется умереть. Она настолько приготовилась къ смерти, что не можетъ себѣ представить, какъ бы она теперь стала жить. Смерть—это лучшій, желанный конецъ для нея. Да и состояніе ея здоровья таково, что не обѣщаетъ ей долгой и счастливой жизни.

Сестра старалась отговорить ее отъ этихъ мрачныхъ мыслей, отвлечь отъ ея думъ, внушить ей желаніе жизни. Она съ жаромъ доказывала ей, что ея жизнь нужна родинѣ, что ея молодыя силы плодотворно послужатъ для устроенія обновленной жизни, что здоровье поправится,—молодой, сильный организмъ возьметъ верхъ, и побѣдитъ всѣ недуги.

Была минута, когда Марія стала прислушиваться

къ этимъ новымъ словамъ и даже какъ бы испугалась ихъ,—до того ея мысли были далеки отъ вопросовъ жизни, отъ возможности жить и работать дальше.

Свиданіе продолжалось 20 минутъ.

Сестра Евгенія, арестованная по дѣлу Маріи, была военнымъ судомъ оправдана и выпущена на свободу. Она нашла Марію очень плохой, въ смыслѣ здоровья. Сильно идетъ кровь горломъ, лихорадочное состояніе, плохой аппетитъ и тревожный, безпокойный сонъ. Во время засѣданія суда Марія смочила кровью 2 платка, и предсѣдатель суда нѣсколько разъ останавливалъ ее и спрашивалъ, можетъ ли она продолжать, не черезъ силу ли даетъ показанія.

На судѣ Марія держала себя очень просто; объясненія давала въ живой, образной формѣ; много смѣялась хорошимъ, безыскусственнымъ смѣхомъ. Одинъ господинъ, присутствовавшій на судѣ Спиридоновой, и раньше, три мѣсяца назадъ, на судѣ Катина и Кузнецова, приговоренныхъ также къ смертной казни, разсказывалъ, что на этомъ судѣ онъ вынесъ совсѣмъ другое впечатлѣніе: бодрое, сильное... Насколько тогда въ воздухѣ чувствовалась смерть, пахло чѣмъ-то тяжелымъ, средневѣковымъ, кошмарнымъ, настолько теперь, благодаря обаятельному впечатлѣнію Маріи, этого не чувствовалось; онъ присутствовалъ какъ бы на митингѣ, гдѣ докладчицей была не приговоренная къ смерти дѣвушка, а одна изъ работницъ освободительнаго движенія.

Когда Марія сидѣла въ тюрьмѣ до суда, она съ громадными трудностями написала свою рѣчь для судебнаго засѣданія; это стоило ей огромнаго труда, такъ какъ надзоръ за ней велся со стороны тюремной администраціи и часовыхъ, поставленныхъ у дверей, самый тщательный, самый невозможный.

Ни одной минуты она не могла быть предоставленной самой себѣ: всюду глазъ наблюдателя слѣдилъ за ней, за каждымъ ея движеніемъ. Послѣдній мѣсяцъ она ложилась въ кровать не раздѣваясь, такъ какъ не могла разоблачаться на глазахъ любопытствующаго солдата.

Если она заходила за край притолки тюремной двери, и часовому ея не было видно черезъ форточку въ двери, онъ окрикивалъ ее, говорилъ ей, чтобы она не пряталась, звонилъ въ контору, къ начальству. Всѣмъ часовымъ было отдано приказаніе, что если они увидятъ, что она что-либо пишетъ, даже если увидятъ карандашъ въ ея рукѣ, то чтобы немедленно звонили къ начальству. И дѣйствительно, тюремная стража усердствовала, и даже изъ ряда вонъ усердствовала: однажды, сидя на кровати, Марія глубоко о чемъ-то задумалась; глаза устремились впередъ; неясно, неопредѣленно блуждали они по сѣрой, штукатуренной тюремной стѣнѣ; въ головѣ проносились мысли, воспоминанія о прошломъ, о волѣ... Въ эту минуту раздался грубый окрикъ часового: «Эй, ты! Куда уставилась-то?.. Перестань смотрѣть!»

Марія улыбнулась.

Ей даже нельзя смотрѣть. Такъ почему же Аврамовъ оставилъ ей второй глазъ; если нельзя смотрѣть, то пусть выбилъ бы и этотъ глазъ, какъ выбилъ первый. И все-таки, несмотря на такой надзоръ, на надзоръ только въ смыслѣ шпіонскаго сыска, она пролеживала на полу безъ всякаго участія, безъ всякаго человѣколюбиваго вниманія, захлебываясь въ собственной крови, хлеставшей изъ горла; она падала въ безпамятствѣ на полъ даже въ послѣднее время, когда уже значительно поправилась, въ приступы сильнаго кашля и волненія. Полъ окрашивался кровью, и часовой успокоительно рѣшалъ, глядя на это состояніе черезъ форточку, что теперь она не опасна, ничего не напишетъ; въ такомъ положеніи можетъ пребывать сколько угодно: отъ этого никакого худа не выйдетъ ни для тюремщиковъ ни для администраціи.

И вотъ, несмотря на такой полицейскій надзоръ, она написала для суда свою рѣчь, тщательно прятала рукопись во французскую булку, оберегала ее всячески, и каковъ былъ ея ужасъ, когда однажды торжествующая надзирательница открыла мѣсто конспираціи, и похитила рѣчь и булку. Послѣ такой утраты Марія захворала: усилилось кровотеченіе, боль въ груди. Ея послѣднія думы, ея мысли, которыя она хотѣла открыто сказать на судѣ, передъ всѣми, у нея похитили незаконно, какъ нѣчто преступное, опасное.

Она разсказывала сестрѣ, что когда ее при-

везли въ Тамбовъ, то больную, избитую, по распоряженію тюремной администраціи, ее посадили на хлѣбъ и на воду въ продолженіе трехъ дней.

Когда она отощала до того, что жизнь ея находилась въ опасности, ей стали давать молока и 2 яйца въ день. До сего времени она не получаетъ чаю; вмѣсто этого, ей подаютъ горячую воду.

За послѣднее время ей стали давать бульонъ. Спиридонова часто чувствуетъ себя голодной, въ особенности по утрамъ, такъ какъ ее будятъ очень рано и до 12 час. дня ничего не даютъ ѣсть.

Несмотря на неоднократныя просьбы, только въ послѣднее время ей дали кусокъ мыла, въ которомъ она очень нуждалась.

Вся тюрьма живетъ и дышитъ своей «Марусей». Несмотря на каменныя стѣны, сводчатые потолки, желѣзныя рѣшетки на окнахъ, тюрьма живетъ большой жизнью; стѣны говорятъ и о прошломъ и о настоящемъ. Черезъ окна, черезъ потолки проникаетъ человѣческій голосъ, который замуравили въ каменномъ склепѣ. Никакія старанія опытныхъ тюремщиковъ, никакія побѣды инженеровъ въ области современной техники не могли уничтожить общей жизни всей тюрьмы, общихъ интересовъ, обмѣна мыслей, чувствъ.

И каждое слово «Маруси» ловится на лету, каждый слухъ о ней обсуждается съ большимъ вниманіемъ.

Когда ее вывозили на судъ, вся тюрьма огласилась звуками пѣнія революціоннаго марша и «вѣчной памяти». Всѣ товарищи, политическіе арестованные, посылали свой послѣдній привѣтъ, свои восторги ей—мученицѣ за свободу. Вся тюрьма стонала отъ гула голосовъ; ничто не могло сдержать ихъ.

Когда Марія ѣхала на судъ, она очень боялась встрѣтиться тамъ со своими палачами, Авраамовымъ и Ждановымъ. Она съ ужасомъ спрашивала своего повѣреннаго, г. Тесленко, правда ли, что они будутъ присутствовать на судѣ въ качествѣ свидѣтелей, и просила повѣреннаго не вызывать ихъ со стороны защиты, если почему-либо прокуроръ не найдетъ нужнымъ съ своей стороны ихъ вызвать. Аврамова на судѣ не было, а Ждановъ, хотя и былъ, но Спиридонова его не видала. Свидѣтелями ихъ не вызывали ни съ той ни съ другой стороны.

На судѣ упоминалось, что въ юбкѣ платья Спиридоновой найденъ зашитымъ порошокъ отъ мышей. Этотъ порошокъ она спрятала на всякій случай, если ей придется бороться съ ними въ камерѣ тюрьмы. Порошокъ при обыскѣ тогда отобрали, и мыши—ея враги, теперь часто безпокоятъ ее, не давая подолгу засыпать. Мать хотѣла прислать ей мышеловку, но она рѣшила разгонять ихъ стукомъ желѣзной палки о полъ, для чего въ камерѣ хранитъ желѣзный прутъ.

Объясненія по дѣлу убійства Луженовскаго Марія Спиридонова сама давала суду, и заключались они въ слѣдующемъ:

— Да, я убила Луженовскаго, и хотѣла бы дать нѣкоторыя объясненія.

— Я—членъ п. с. р., и мой поступокъ объясняется тѣми идеями, которыя исповѣдуетъ партія и я, какъ членъ ея, и тѣми условіями русской жизни, при которыхъ эти идеи должны реализироваться.

Народное недовольство существующими порядками приняло рѣшительную и грозную форму революціи, т.-е. вооруженныхъ сопротивленій властямъ, нападеній на правительственныхъ лицъ и открытыхъ уличныхъ столкновеній съ войсками. Правительство попробовало примѣнить обычный методъ удовлетворенія нуждъ народныхъ,— пули, штыки, пушки,— но это не помогло, и тогда придуманъ былъ манифестъ о свободѣ.

Одновременно съ манифестомъ были изобрѣтены остроумныя проявленія истинно-народныхъ чувствъ, въ видѣ черносотенныхъ погромовъ. Манифестъ былъ, конечно, плодомъ ловкой стратегіи, удачнымъ тактическимъ шагомъ... (Прокуроръ прерываетъ и требуетъ прекратить, предсѣдатель разрѣшаетъ продолжать)... и только...

Какъ только бюрократія увидѣла, что манифестъ можно взять, она его взяла, и вернулась на испытанный, любезный сердцу путь репрессій. Ужасы реакціи были несравнимы съ предъидущими. За 2—3 мѣсяца по смертнымъ приговорамъ убито до 200 человѣкъ; безпокойная интеллигенція засажена въ тюрьмы; всякія оп-

позиціонныя общества прикрыты, печать придушена; ловкая организація шпіонства старается парализовать дѣятельность такихъ обществъ; вооруженныя возстанія подавлены. Бюрократія создала условія, при которыхъ голосъ народнаго недовольства не доходилъ до верховной власти, и представляла, что страна достигла максимальнаго благополучія. Въ области усмиренія крестьянскихъ безпорядковъ дѣятельность бюрократіи особенно блестяща, и должна быть записана въ ея лѣтописяхъ золотыми буквами.

Не буду говорить объ усмиреніи крестьянъ въ цѣлыхъ губерніяхъ или одной Тамбовской; возьму одинъ уѣздъ и одного въ немъ кроваваго работника — Луженовскаго. Напомню нѣсколько деревень, гдѣ онъ былъ: дер. Адовка, дер. Хоперки, сельцо Лебяжье, с. Сергіевка, с. Троицкое, с. Поселокъ, с. Посѣвкино, с. Мучкапъ, дер. Верхняя Яруга, дер. Нижняя Яруга, с. Нижне-Чуево, с. Верхне-Чуево, с. Малыя Алабухи, с. Большія Алабухи, с. Подгорное, с. Уварово, с. Петровское, с. Березовка, — все это села,—многія я не помню,—которыя представляютъ изъ себя послѣ Луженовскаго картину такого же опустошенія, какъ болгарскія деревни послѣ нашествія турокъ. Въ деревнѣ Павлодарѣ убито 10 чел.: Щербаковъ, трое Зайцевыхъ, Островитиновъ, Дубровинъ Александръ и другіе.

Семьѣ Зайцевыхъ было возможно содержать Пашу Зайцева въ екатеринославскомъ учительскомъ институтѣ. Это былъ честный, чистый,

горячій юноша. «Всю свою интеллигентность, свои знанія я принесу на служеніе своимъ братьямъ въ деревню»—говорилъ онъ. Другой его товарищъ, тоже крестьянинъ, Островитиновъ, былъ съ нимъ въ томъ же селѣ. Они выступили отвѣчать Луженовскому, который на нестройный гулъ всѣхъ мужиковъ отвѣчалъ залпомъ.

Ихъ замучили. Ихъ мучили въ теченіе 4-хъ дней.

Въ деревню ѣхалъ Александръ Дубровинъ, соціалъ-демократъ.

Соціалъ-демократы, въ настоящее время, непосредственно не нападаютъ на собственность, и они не проповѣдуютъ крестьянамъ захвата земель и орудій сельско-хозяйственнаго производства. Дубровинъ ѣхалъ, чтобы убѣдить крестьянъ не жечь усадьбы, потому что по-соціалъ-демократически думалъ и говорилъ онъ (въ этихъ усадьбахъ,—говорилъ онъ,—въ этихъ усадьбахъ будутъ крестьянскія школы и больницы). Онъ ѣхалъ къ крестьянамъ, чтобы ихъ озлобленное, стихійное движеніе урегулировать, придать ему разумность и планомѣрность. Его схватили, не зная, кто онъ, и каковы его цѣли, и замучили его въ теченіе 4-хъ дней. Когда черезъ 4 дня его родственницамъ, подъ видомъ случайныхъ путешественницъ, удалось проникнуть къ его трупу,—онѣ не узнали его.

Вмѣсто статнаго красавца, Дубровинъ представлялъ изъ себя кучу лохмотьевъ мяса, костей и крови. Послѣдній день онъ задыхался, про-

силъ воды,—ему не давали; онъ подползалъ къ открытой двери и глоталъ свѣжій воздухъ. Съ возгласомъ: «куда, собака!» — казакъ гналъ его въ уголъ нагайкой. Въ селѣ же Павлодарѣ ранено до 40 человѣкъ. Въ деревнѣ Березовкѣ Карпъ Васильевичъ Клемановъ, крестьянинъ, сошелъ съ ума отъ истязаній; въ с. Пескахъ двое сошли съ ума.

Кромѣ разстрѣловъ, засѣканій и медленнаго замучиванья подъ нагайками, употреблялись еще мѣры усмиренія: полное расхищеніе крестьянскихъ пожитковъ, хлѣба (всего), зажиганіе крамольнаго села съ двухъ концовъ и насилія надъ женщинами. Къ стопамъ бюрократіи Луженовскій со своихъ тріумфальныхъ поѣздокъ клалъ побѣдные трофеи, въ видѣ убитыхъ крестьянъ, разоренныхъ хозяевъ, изнасилованныхъ женщинъ и избитыхъ дѣтей. Забыла,—надо вставить, какъ Луженовскій, по пріѣздѣ въ село, распоряжался согнать сходъ, раздѣть мужиковъ, и уходилъ отдыхать, пить или обѣдать, оставляя мужиковъ на колѣняхъ въ грязи или снѣгу. Въ качествѣ начальника охраны въ г. Борисоглѣбскѣ, онъ тоже блестяще дѣйствовалъ. Городъ былъ тихій, оппозиціи тамъ не было. 18-го же октября была радостная манифестація, говорились рѣчи, высказывались пылкія надежды. Луженовскій всѣхъ этихъ говоруновъ пересажалъ, и, казалось бы, нечего было дѣлать въ г. Борисоглѣбскѣ. Тогда онъ сталъ арестовывать людей не только по показанію полиціи или такихъ добровольцевъ, какъ у насъ Кашкинъ или

Усковъ, а просто по личному впечатлѣнію, по хмельному капризу. Обыски, разгромы, допросы Луженовскимъ арестованныхъ грозили жизни допрашиваемыхъ; обращеніе его съ родственниками арестованныхъ было до крайности грубо и оскорбительно. Онъ грозилъ пересажать весь Борисоглѣбскъ, онъ хвасталъ на обѣдахъ, которые ему устраивало запуганное купечество, что своими руками онъ убилъ шестерыхъ мужиковъ; про битье онъ не говорилъ, точно у мужика нѣтъ своего достоинства, точно онъ не такая же личность, какъ и мы, ударъ по лицу которыхъ считается по оскорбительности тяжеле смерти.

О Луженовскомъ, какъ объ идейномъ родоначальникѣ, вдохновителѣ и организаторѣ такого позорнаго явленія въ русской жизни, какъ черная сотня, говорить не буду: всѣ объ этомъ знаютъ и знали. Луженовскій являлся, въ глазахъ тамбовскаго комитета партіи соціалъ-революціонеровъ и моихъ, какъ члена его, воплощеніемъ зла, произвола, насилія, типичныхъ выразителей всѣхъ страшныхъ чертъ бюрократіи. Онъ быстро подвигался по служебной лѣстницѣ, и въ недалекомъ будущемъ передъ нимъ блистала перспектива всемогущей диктатуры въ Западномъ краѣ или другомъ гонимомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ разгулялся на просторѣ во всю ширь своей натуры. Онъ становился крупнымъ столпомъ того зданія, въ которомъ задыхается народъ. Онъ былъ народный угнетатель, и ни-

какой мѣры обузданія, кромѣ смерти, найти на него было нельзя.

Тамбовскій комитетъ партіи с.-р., какъ и вся партія, задачей своей дѣятельности ставитъ защиту интересовъ трудящихся массъ, защиту ихъ чести и счастья; партія хочетъ въ настоящее время добиться такихъ политическихъ и экономическихъ условій, при которыхъ народъ вольнымъ шагомъ шелъ бы къ соціализму, къ планомѣрной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу, къ такому строю, при которомъ великія слова: братство, равенство и свобода людей, станутъ дѣйствительностью, а не мечтой. И во имя человѣческаго достоинства, во имя уваженія къ личности, во имя правды и справедливости, тамбовскій комитетъ и я вынесли смертный приговоръ Луженовскому. Я, въ полномъ согласіи съ нимъ и въ полномъ сознаніи своего поступка, взялась за выполненіе приговора, потому что сердце такъ рвалось отъ боли, такъ стыдно и тяжко было жить, слыша, что происходитъ въ деревняхъ, получая вѣсти о томъ ужасѣ и деморализаціи, царившихъ въ душахъ крестьянъ послѣ Луженовскаго. А когда мнѣ пришлось встрѣтиться съ мужиками, сошедшими съ ума отъ истязаній, когда я увидѣла безумную старуху-мать, у которой 15-тилѣтняя красавица-дочь бросилась въ прорубь послѣ казацкихъ ласкъ, то никакія силы ада, никакая перспектива страшнѣйшихъ мученій не могли бы остановить меня отъ выполненія задуманнаго. И дѣйствительно, месть полицейская была на вы-

сотѣ своихъ традицій. Всею тяжестью военно-полицейской организаціи бюрократія обрушилась на мои плечи и придавила ихъ. Хотя номинально пытки отмѣнены, но ихъ ко мнѣ примѣнили. Все, что писано въ письмѣ мною, — правда. Меня истязали утонченно, надо мной глумились и оскорбляли всѣ мои чувства. Меня били по лицу; а знаете ли вы, гг. судьи, что значитъ для личности это оскорбленіе? Лучше восемь разъ умереть, чѣмъ снести это. (Краткій разсказъ о безобразіяхъ въ арестантской Борисоглѣбска, прибавлена подробность о сдираніи кожи. Подсудимая ни слова не сказала, какъ ей пришлось ѣхать въ поѣздѣ съ Авраамовымъ,—она не могла). И опять повторяю: несмотря на весь ужасъ со мной происшедшаго, я счастлива встать на защиту народа и умереть за него».

———

Эта рукопись самой М. А. Спиридоновой получена мною изъ тюрьмы.

Я получилъ отъ Маріи Александровны Спиридоновой разрѣшеніе напечатать въ „Руси“ ея письмо отъ... марта (число умышленно опускаю), которое было получено мною еще 8 дней назадъ, но которое я не имѣлъ права напечатать въ виду того, что въ письмѣ была выражена ея просьба огласить его на страницахъ газеты лишь послѣ 11 марта, послѣ ея смерти. Въ настоящее время я имѣю отъ нея разрѣшеніе напечатать это письмо при ея жизни, теперь же.

Нужно замѣтить, что настоящее письмо яви-

лось отвѣтомъ на всѣ тѣ вопросы, которые я поставилъ ей во время моего пріѣзда въ Тамбовъ. Я просилъ М. А. Спиридонову еще разъ подтвердить, въ виду сдѣланнаго возраженія „Новаго Времени“ и другихъ отдѣльныхъ личностей, дѣйствительно ли все написанное ею въ первомъ письмѣ соотвѣтствовало дѣйствительности, и написано оно въ полномъ ли сознаніи и ясности ума и памяти.

Я не задавалъ ей вопроса объ изнасилованіи, такъ какъ тяжело было касаться его, зная чистоту и цѣломудріе Маріи, и въ то же время зная, что малѣйшія воспоминанія ея о поѣздкѣ въ вагонѣ приводятъ ее въ нервное состояніе, увеличивая кровотеченіе горла и боль въ груди.

Вотъ подлинникъ ея письма:

«Для „Руси“. Письмо объ истязаніяхъ писано мною въ полномъ сознаніи; многое тамъ не сказано, потому что пришлось очень торопиться.

Я не сказала, какъ меня заставляли вставать ударами сапога, какъ тянули за сорванную плеткой кожицу и кричали: „Кто твои товарищи?“, какъ на узкое окно Аврамовъ и Ждановъ садились оба, а въ середину сажали меня, и я находилась въ желѣзныхъ (при страшно избитомъ тѣлѣ) омерзительныхъ тискахъ, при чемъ казачій офицеръ былъ „ласковъ“.

Такъ какъ все лицо было разбито, и оставалась часть лѣвой щеки и передніе зубы, то били по нимъ; спрашивали, сколько любовниковъ.

Когда я назвала двухъ лицъ, могущихъ удостовѣрить мою личность, а именно Каменева и

Семенова, то они закричали: „А! Это все твои любовники? (посыпались неприличныя слова).

Прошу напечатать послѣ 11 марта, послѣ моей смерти, потому что меня опять поставятъ въ полную невозможность сказать товарищамъ какую-либо вѣсточку.

Послѣ письма въ газетахъ, часовымъ было приказано смотрѣть въ окно въ двери неотступно и звонить, въ случаѣ если увидятъ, что я пишу; и они поднимали скандалы, если имъ меня не было видно, хотя бы минутку.

Вся жизнь проходила, какъ въ фонарѣ. Эти два мѣсяца сплю не раздѣваясь.

Когда была очень больна, ухода не было, докторскіе рецепты оставались невыполненными по 10 дней. Стала вставать и поправляться силою своего непрестаннаго внушенія.

Теперь у меня очень болитъ голова, ослабла память, я очень многое забыла, и мнѣ трудно излагать логично мысли. Болитъ грудь, иногда идетъ горломъ кровь, особенно когда взволнуюсь. Одинъ глазъ ничего, кромѣ свѣта, не видитъ. Теперь обращеніе со стороны начальства очень приличное, хотя оно было всегда прилично, то-есть на меня не кричали, не сажали въ темную и не били.

Но часовые вмѣшиваются въ каждую минуту моей жизни: запрещаютъ пѣть, смѣяться, бѣгать по комнатѣ, переставлять лампу, садиться на окно и т. д.

Былъ случай: я задумалась и долго смотрѣла въ одну точку; открывается форточка въ двери,

и часовой кричитъ: «Чего уставилась? Перестань смотрѣть!» Настроеніе у меня замѣчательно хорошее: я бодра, спокойно жду смерти, я весела, я счастлива.

Марія Спиридонова.

... марта 1906 г. Тамбовъ.

У читателя теперь не можетъ больше остаться никакихъ сомнѣній въ правдивости и искренности всего изложеннаго, какъ въ настоящемъ письмѣ, такъ и въ прошломъ.

Что можно къ этому еще прибавить?..

Разрѣшеніе Спиридоновой хранится у меня.

Я получилъ письмо отъ матери Маріи Александровны Спиридоновой, которое было напечатано (по ея просьбѣ) на страницахъ газеты «Русь»:

«Къ вамъ, русскія матери, обращаюсь! Васъ прошу понять мою скорбь, мою тоску!

Вся Россія слышала о моей несчастной дочери. Вникните же въ мою душу, поймите, какъ невыносимо знать объ истязаніяхъ своего измученнаго, поруганнаго ребенка, и не помочь ему; видѣть, какъ угасаетъ близкая, дорогая жизнь, и не облегчить ея страданій, а знать, что всѣ ея муки только преддверіе къ казни.

Вы всѣ, матери, у которыхъ умирали дѣти, имѣли хоть утѣшеніе ходить за ними, ласками успокоить ихъ предсмертную тоску... А я? А моя дѣвочка?..

Она умретъ одна, съ страшнымъ воспомина-

нѣмъ пережитаго, въ тюрьмѣ, среди чужихъ, безъ родной ласки, безъ матери.

Пусть она виновата; но, отдавая свою молодую жизнь, должна ли она была еще пройти тотъ крестный путь, черезъ который прошла она?

Вы, матери подрастающихъ и взрослыхъ дочерей, вспомните, какое поруганіе, какія нравственныя пытки она пережила между этими двумя злодѣями, и скажите, должна ли она умереть; не искупила ли она еще свой грѣхъ?

Мать Маруси—Александра Спиридонова».

На судѣ ее защищали казачій есаулъ Филимоновъ и присяжный повѣренный Тесленко.

Филимоновъ сказалъ рѣчь, характерную для представителя той военной касты, которая въ дни переживаемой въ Россіи революціи играетъ гнусную и позорную роль насильниковъ и палачей.

Въ защиту Спиридоновой на судѣ первая рѣчь была произнесена защитникомъ по назначенію, кандидатомъ на военно-судебныя должности, есауломъ А. П. Филимоновымъ.

Онъ сказалъ:

«Защитительное слово въ пользу Маріи Спиридоновой будетъ сказано моимъ болѣе опытнымъ и талантливымъ товарищемъ. Я же пользуюсь правомъ защитника, чтобы высказать одно соображеніе, одну мысль, которая всецѣло владѣетъ мной съ момента начала настоящаго засѣданія.

«Я впервые присутствую на судебномъ про-

цессѣ подобнаго рода, и не могу отрѣшиться отъ необычайности обстановки, въ которой совершается этотъ процессъ. Съ одной стороны, я вижу блестящую коллегію строевыхъ офицеровъ, экстренно собравшуюся для сужденія по законамъ чрезвычайнаго времени политической преступницы. Съ другой стороны, я вижу слабую, измученную, едва достигшую совершенно-лѣтія молодую дѣвушку, почти дѣвочку, которой предъявили обвиненіе по статьѣ закона, знающей только одно наказаніе—лишеніе жизни. Съ одной стороны, я слышалъ обвинительный актъ, безстрастный и суровый, требующій осужденія и наказанія. Съ другой стороны, у меня въ ушахъ стоитъ горячая, искренняя исторія—исповѣдь этой удивительной дѣвушки, съ горячей головой и пылкимъ воображеніемъ, увлекшейся сладкой, но несбыточной мечтой о счастіи дорогого намъ всѣмъ народа. Мы всѣ съ содроганіемъ и ужасомъ слышали отъ нея разсказъ о безбожныхъ и безчеловѣчныхъ истязаніяхъ ея во время ареста, подтвержденный актомъ медицинскаго осмотра. Мы слышали, наконецъ, заключеніе врача-эксперта, удостовѣрившаго, что молодой организмъ охваченъ неизлѣчимымъ недугомъ, который особенно опасенъ для нѣжнаго возраста подсудимой.

«Гг. судьи, я такъ же, какъ и вы, выросъ въ военной средѣ, посвящающей всю свою жизнь военному дѣлу. Мы всѣ воспитаны въ сознаніи необходимости прямо и смѣло смотрѣть въ глаза смерти, а въ случаѣ необходимости, причинять

ее другимъ. Но я такъ же, какъ и вы, твердо знаю, что рука честнаго воина, даже въ пылу брани, въ самомъ горячемъ бою, не опускается на голову женщины. Мы знаемъ, что военные люди женщинъ не убиваютъ. Вотъ почему я съ безпокойствомъ и трепетомъ смотрю на ваши лица, чтобы прочесть въ нихъ ваши намѣренія.

«Я хочу вѣрить и вѣрю, что ваши руки, предназначенныя для удара въ открытомъ, честномъ бою, не подпишутъ смертнаго приговора этой несчастной дѣвушкѣ. Я вѣрю, что вы найдете законный исходъ изъ вашего тяжелаго, безотраднаго положенія. Исходъ этотъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть, указаніе на него дастъ вамъ и законъ.

«Я же позволю себѣ обратиться къ вамъ, моимъ собратьямъ по оружію, съ горячей мольбой: не забывайте, подписывая приговоръ, что военные люди не убиваютъ женщинъ».

Затѣмъ говорилъ Н. В. Тесленко, обратившійся къ суду съ такими словами:

«Гг. судьи, отъ васъ требуютъ смертнаго приговора. Загляните же въ вашу совѣсть глубже, пытливѣе, проницательнѣе. Загляните! Находите ли вы тамъ ту величайшую степень негодованія и возмущенія противъ подсудимой, безъ которыхъ вы не можете послать ее на казнь? Отъ васъ требуютъ не наказать Спиридонову, но лишить ее жизни, убить не въ равномъ бою съ вооруженнымъ врагомъ, но умертвить беззащитную и безпомощную. У насъ, русскихъ, въ нашемъ правосознаніи нѣтъ

идеи: око за око и за смерть смерть. Смертный приговоръ до глубины души возмущаетъ чувство справедливости русскаго народа. Чтобы широко примѣнять смертную казнь, нужны особыя условія въ жизни государства, когда правительство перестало судить и управлять, но лишь безпощадно истребляетъ своихъ враговъ.

Ужасное дѣло казней возложено на военные суды. Ихъ заставляютъ выносить смертные приговоры, и только смертные приговоры. Я знаю, все сдѣлано для того, чтобы заставить васъ послать на эшафотъ Спиридонову. Но развѣ судъ—заведеніе, въ которомъ вслѣдъ за заказомъ немедленно появляется требуемое исполненіе? Развѣ судъ—машина для наложенія карающихъ штемпелей на обвинительные акты? Я не хочу этому вѣрить. Судъ — глубокое испытаніе человѣческой совѣсти, и къ ней, къ вашей совѣсти, я обращаюсь. При свѣтѣ ея разсмотрите содѣянное подсудимой, и вы увидите не одинокую Спиридонову, убивающую Луженовскаго: вы увидите всю страждущую Россію. Вы увидите сотни Спиридоновыхъ и тысячи Луженовскихъ, и тотъ ужасъ, который гнететъ и давитъ насъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ мы живемъ въ кровавомъ туманѣ. Кажется, всѣ великія изобрѣтенія человѣчества: паръ, электричество, телеграфъ, телефонъ, книгопечатаніе,—все соединилось для того, чтобы каждый день, собирая вѣсти со всѣхъ концовъ нашей родины, терзать и мучить. Загляните въ газету, которую вы сегодня прочли; посмотрите, развѣ типографской

краской она напечатана, а не кровью засѣченныхъ, замученныхъ?! Развѣ не слышатся изъ каждой печатной строки стенанія, вопли и призывы о помощи?!

Но есть люди, подобные Спиридоновой, на которыхъ летѣли брызги братской крови, которые видѣли муки народа и влагали персты свои въ язвы его. Такъ неужели же смерть имъ за то, что чувство негодованія, которое всѣхъ насъ охватываетъ, у нихъ претворилось въ дѣло, и цѣной своей благородной жизни они готовы платить за страданія народа!?

Она негодовала. Она разсказала, почему она негодовала. Я не буду говорить о Луженовскомъ. Онъ умеръ, и жизнь его принадлежитъ суду исторіи. И въ дѣлѣ мало данныхъ для сужденія о немъ. Но развѣ закрадется въ вашу душу хотя тѣнь сомнѣнія въ правдивости разсказа Спиридоновой о Луженовскомъ? Она вѣдь была тамъ, въ этихъ селахъ, по которымъ пронесся опустошительнымъ ураганомъ Луженовскій. Она называла вамъ деревни и имена крестьянъ, застрѣленныхъ, засѣченныхъ, забитыхъ, изувѣченныхъ. Она разсказывала объ изнасилованіи казаками женщинъ, о безпощадномъ грабежѣ, о безчисленныхъ арестахъ. Луженовскій въ ея представленіи сталъ олицетвореніемъ того ужаса, въ который повергнута была Тамбовская губернія.

Да кто же не знаетъ о Луженовскомъ!? Имя его знакомо всей читающей Россіи. Оно не сходило, вмѣстѣ съ именами другихъ такихъ же

дѣятелей, со страницъ періодической печати. Ихъ дѣла взывали о мщеніи. И развѣ чувство общественнаго негодованія находило законное удовлетвореніе? Развѣ замученные, истерзанные крестьяне могли гдѣ-нибудь найти помощь и защиту? «Сердце такъ рвалось отъ боли,—говорила здѣсь Спиридонова,—такъ стыдно было жить, когда кругомъ все это происходило. А когда я увидѣла мужика, сошедшаго съ ума отъ истязаній, увидѣла мать, дочь которой бросилась въ прорубь послѣ казацкихъ ласкъ, я сказала: я убью Луженовскаго, я пойду на смерть, и никакія силы ада не могли меня остановить». Такъ неужели же за это смерть?

Не ищите объясненія лишь въ программахъ и ученіяхъ партій. Могучее чувство негодованія двигаетъ рукой не однихъ революціонеровъ. Во время французской революціи Маратъ вселялъ ужасъ въ сердца приверженцевъ стараго порядка. Онъ погибъ отъ руки такой же чудной и благородной дѣвушки, имя которой служитъ предметомъ поклоненія и восхищенія. Каждый Маратъ долженъ найти свою Шарлотту Корде. И въ этомъ, быть можетъ, великій законъ человѣческой совѣсти.

Итакъ, событіе это не стоитъ одиноко. Оно связано съ тысячей другихъ событій. Судьбы Луженовскаго и Маріи Спиридоновой—это судьбы русской революціи. Еще въ октябрѣ тамбовскій комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ приговорилъ Луженовскаго къ смерти. Затѣмъ, манифестъ 17-го октября, амнистія, и Лу-

женовскій также амнистированъ. Но увы! 17-ое октября было лишь мимолетнымъ лучезарнымъ сіяніемъ, озарившимъ на мгновеніе русскую жизнь. А тамъ все пошло по старому. Опять полилась кровь. Опять Луженовскій... Но забываютъ, что если льется кровь, она всегда льется съ двухъ сторонъ. Міровая трагедія, поставленная теперь на сценѣ русской жизни, создала этотъ процессъ. И нельзя убивать одного за грѣхи всего народа.

Но въ этомъ дѣлѣ есть нѣчто такое, что изгоняетъ самую мысль о карательномъ приговорѣ. Я стою передъ вами въ недоумѣніи и не знаю, что я долженъ дѣлать: защищать ли Спиридонову, или, наоборотъ, требовать для нея помощи и возмездія. Я не знаю, что вы должны дѣлать, карать или спасать ее.

Вы выслушали потрясающую повѣсть подсудимой о нечеловѣческихъ мученіяхъ, которымъ ее подвергали. Вы не усомнились въ правдивости ни одного ея слова. Да и нельзя сомнѣваться. Каждую пытку, каждый ударъ мучители записали въ протоколъ, написанный на ея тѣлѣ и здѣсь, на судѣ, прочитанный врачемъ. Истязанія длились двѣнадцать часовъ. Обнаженную, ее держали въ холодной камерѣ, ногами перебрасывали изъ угла въ уголъ, топтали сапогами грудь, ступни ногъ, били нагайками, били по лицу, отрывали по волосу, отдирали кожу, разсѣченную нагайкой, гасили на тѣлѣ папиросы, приставали съ циничными, животными ласками. И она не назвала никого, ни разу не

крикнула Чтобы оцѣнить все безчеловѣчіе, весь ужасъ этихъ пытокъ, надо итти дальше застѣнковъ Ивана Грознаго и испанской инквизиціи: надо спуститься ко временамъ гунновъ и Тамерлана.

Это даже не пытка, съ цѣлью исторгнуть разсказъ о сообщникахъ. Это нѣчто болѣе утонченное. Пытка — физическая боль. Здѣсь же, кромѣ того, было безконечное униженіе, надругательство надъ самыми нѣжными и деликатными чувствами человѣка и чистой, непорочной дѣвушки. Я не знаю никого, кто не содрогнулся бы отъ ужаса и негодованія, слушая страшную повѣсть о страданіяхъ Маріи Спиридоновой.

Что же значитъ осудить теперь, послѣ этого, Спиридонову? Это значитъ -добить ее. Когда въ римскомъ циркѣ падалъ измученный и израненный боецъ-гладіаторъ, пресыщенные зрители опускали руку внизъ, и раздавался страшный крикъ: «Добей его!» Развѣ можете вы на своемъ приговорѣ написать римское pollice verso?

Русское правительство одержало много великолѣпныхъ побѣдъ надъ своими врагами. Неужели для полнаго торжества ему надо еще добить этого безпомощнаго, безвреднаго и больного врага?

Спѣшите же встать на защиту Маріи Спиридоновой! Не уступайте никому чести спасти эту дѣвушку! Вырывайте ее изъ когтей смерти.

Передъ вами не только униженная, поруганная, больная Спиридонова. Передъ вами боль-

ная и поруганная Россія. Каждый день вѣсти о смертныхъ приговорахъ и казняхъ электрическимъ токомъ проносятся по всей странѣ и наносятъ новые и новые удары по старымъ, не зажившимъ ранамъ. Казните Спиридонову, и вздрогнетъ вся страна отъ боли ужаса. Когда-нибудь надо положить предѣлъ этому озлобленію. Надо сказать слово умиротворенія. На вашу долю можетъ выпасть счастье сказать это впервые.

Идите же въ совѣщательную комнату и возвращайтесь оттуда съ оливковой вѣтвью мира, а не съ поднятымъ мечомъ.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЯ ПИСЬМА

Маріи Спиридоновой,

ПОЛУЧЕННЫЯ ИЗЪ ТЮРЬМЫ ПОСЛѢ ОБЪЯВЛЕНІЯ ЕЙ ПРИГОВОРА СУДА.

Дорогіе товарищи!

Деньги мои передайте, часть Женѣ, остальную, большую, часть Т.

Иногда цѣлую ночь провожу безъ сна, но чувствую себя очень бодро, и не знаю, куда дѣвать свою энергію, которой отъ безлѣлья накопилось много.

Мечтаю о томъ, какъ буду висѣть; желаніе это становится для меня очень сильнымъ, и я боюсь не справиться съ собою, если самодержавіе окажетъ мнѣ милость; я не хочу его милости... Моя смерть представляется для меня настолько общественно-цѣнною, что всякую милость самодержавія приму, какъ месть, какъ новое издѣвательство.

Если будетъ возможно, и меня убьютъ не скоро, то постараюсь быть Вамъ полезной, хотя бы вербованіемъ союзниковъ.

Очень бы хотѣлось знать, какъ идутъ дѣла въ Тамбовѣ. Есть ли у Васъ снабженіе книгами крестьянъ, заключенныхъ въ отдѣльной тюрьмѣ? Сдѣлайте! это важно, чтобы изъ тюрьмы вышли с-р-ы, или близкіе къ намъ.

Цѣлую всѣхъ старыхъ товарищей и жму руки новымъ. Пришлите мнѣ открытки съ вашимъ почеркомъ,—мнѣ это будетъ дорого. Всѣмъ мой горячій привѣтъ.

Ваша Маруся.

Обращеніе хорошее. Здоровье: лихорадка, кашель, болитъ голова.

Я забыла Вамъ сказать еще: принадлежность къ партіи с-р-овъ понимается мною не только какъ безусловное признаніе ея программы и тактики, а гораздо полнѣе. По-моему, это значитъ отдать всю свою жизнь, всѣ помыслы и чувства на осуществленіе идей партіи въ жизни; это значитъ не имѣть ничего внѣ интересовъ партіи и ея идеаловъ; это значитъ каждой минутой своей жизни распоряжаться такъ, чтобы дѣло отъ этого выигрывало.

При такомъ взглядѣ, я лично распоряжаться своей жизнью не имѣю права, и поэтому я, какъ господинъ Л., готовый писать стихи по рѣшенію с-р-овъ, подчиню ее всякому вашему рѣшенію, потому что компетенція организаціи въ обсужденіи интересовъ дѣла всегда выше компетенціи одного человѣка.

Повторяю, я подчинюсь!

Маруся.

Моя смерть представлялась мнѣ настолько общественно цѣнною, и я ее такъ ждала, что отмѣна приговора и замѣна его вѣчной каторгой подѣйствовала на меня очень плохо: мнѣ нехорошо...

Скажу болѣе—мнѣ тяжко!

Я такъ ненавижу самодержавіе, что не хочу отъ него никакихъ милостей.

М. С.

Мнѣ очень досадно, что, благодаря моей «истеричности», то обстоятельство, что я была врачна, не ѣла и не спала почью, уже извѣстно въ городѣ, и подняло разговоры.

Вѣдь это было мое «личное» дѣло, и никто не имѣлъ права въ него вмѣшиваться. Тѣмъ, что я физически заболѣла, я помогла себѣ справляться съ тѣми страшными мыслями, которыя такъ терзали меня.

Передо мной вставалъ рядъ убитыхъ товарищей и

точно упрекалъ меня за мою жизнь по «милости» самодержавія; передо мной вставалъ Ждановъ, съ поднятой нагайкой для удара, и душа содрогалась передъ тѣмъ неизмѣримымъ оскорбленіемъ достоинства и гордости человѣка, передъ тѣмъ поруганіемъ моего я, какое приходилось выносить.

Иногда я точно чувствовала, какъ подло обнимаетъ меня Авраамовъ, и мнѣ хотѣлось стопать и метаться. Находясь въ полной силѣ, я могла бы опуститься до такой слабости, но я была больна физически, температура поднималась порой до 40°, и я забывалась.

Теперь я одолѣла себя и, пожалуй, могу сказать вамъ, мои хорошіе друзья — больше этого не повторится. Можетъ это случиться только въ случаѣ повторенія тѣхъ же событій.

Тесленко мнѣ говорилъ: «Да! Послѣ случившагося съ Авраамовымъ и Ждановымъ, я не думаю, чтобы кто осмѣлился на такой поступокъ».

Если же это можетъ повториться, то, во имя человѣческаго достоинства, вы, товарищи, должны признать за мной право даже на такую глупость, какою я считаю самоубійство революціонера.

Согласитесь, друзья, что нехорошо, если носители идеи будутъ люди, у которыхъ . . . не буду говорить!.. Вы должны понять меня, и я жду вашего отвѣта и рѣшенія. Заранѣе прошу имѣть въ виду, что для личности нѣтъ ничего ужаснѣе, когда обладателя ея бьютъ по лицу или нагайкой.

Имѣйте въ виду, что порою остаться въ живыхъ еще несравненно большая жертва «дѣлу», чѣмъ умереть для его успѣха.

Я подчинюсь вашему рѣшенію; я смогу найти въ себѣ силы пережить вторую болѣзненную эпопею, если вы найдете нужнымъ вынести рѣшеніе — всегда оставаться въ живыхъ; при этомъ обсужденіи примите во вниманіе и мои доводы.

Маруся

Итакъ, мнѣніе моихъ товарищей: я должна теперь забыть и Жданова и Аврамова и въ будущемъ быть терпѣливѣе при неизбѣжныхъ въ положеніи каторжанки оскорбленіяхъ.

Вы хотѣли бы дать мнѣ больше силъ и бодрости, чтобы я могла снести всѣ испытанія.

Не надо больше!

Я могу снести очень многое; я могу выдержать новыя пытки, я не боюсь никакихъ мученій и лишеній. Я скажу только: «пусть!.. мы все-таки побѣдили!» И эта мысль будетъ дѣлать меня неуязвимой.

Пусть меня бьютъ, пусть заставляютъ терпѣть голодъ и холодъ и непосильную работу,—ничего.

Только одно не смогу снести—ударъ по лицу. Если онъ будетъ, боюсь, что меня въ тотъ же день не станетъ. Вы это помните... и простите!

Я увѣрена, вы простите и поймете меня, когда меня не станетъ въ живыхъ послѣ подлаго насилія.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ всѣ ужасы мертвящей скуки, униженій и лишеній найдутъ во мнѣ только презрѣніе.

Не бойтесь за меня!

Развѣ вы не знаете, что я изъ породы тѣхъ, кто смѣется на крестѣ.

Смѣялась же я, теряя сознаніе подъ прикладами, смѣялась, радостно слушая смертный приговоръ, — буду смѣяться и въ каторгѣ.

Вѣдь выносить муку придется за идею, а идея такъ прекрасна, такъ велика, что передъ нею меркнутъ всѣ личныя ощущенія.

Прощайте или до свиданія, родные друзья мои.

Буду весела, бодра, счастлива, буду держать голову высоко до тѣхъ поръ, пока ее не покроютъ волны, какъ говоритъ Тургеневъ.

Будущее не страшитъ меня: оно для меня не важно,— важнѣе торжество идеи.

Маруся.

Къ протесту французскихъ гражданъ.

Преступныя дѣйствія агентовъ русскаго правительства, совершенныя надъ Маріей Спиридоновой, ея страданія и муки нашли отголосокъ въ Западной Европѣ.

Франція съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ и развитіемъ этой жестокой драмы, и въ сердцахъ своихъ сыновъ нашла гуманный откликъ на страданія замученной жертвы правительственнаго деспотизма.

Изъ среды лучшихъ французскихъ гражданъ составился комитетъ для протеста противъ смертной казни надъ Спиридоновой и насилія надъ женщиной.

Въ этотъ комитетъ вошли лучшіе представители передовой Франціи; многіе французскіе граждане и гражданки прислали туда свои письма, съ протестомъ противъ насилій и съ выраженіемъ глубокаго сочувствія несчастной дѣвушкѣ.

Многія изъ этихъ писемъ я привожу въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ, а также два изъ моихъ писемъ, помѣщенныхъ во французскихъ газетахъ, съ воззваніемъ къ женщинамъ Франціи, въ которомъ призываю ихъ соединиться и осуществить этотъ протестъ.

Un Appel aux Femmes de France.

Une des meilleures enfants de notre patrie a subi un ignoble outrage de la part des agents de notre gouvernement.

Une jeune fille, Marie Spiridonoff, a été torturée dans un cachot comme au moyen-âge. Les bourreaux se sont ingéniés à la torturer pour lui arracher un gémissement, une plainte; mais elle resta ferme et silencieuse; pas un son n'est sorti de sa poitrine mutilée, pas un cri n'est sorti de sa gorge.

Ils ont arraché ses cheveux un par un; un de ses yeux a été crevé. Toute nue, les deux bourreaux — l'officier Abramoff et son adjoint Jdanoff — l'ont laissée grelotter dans une pièce gelée, pendant onze heures.

Ils ont marbré son corps de brûlures de leurs cigarettes.

Ils l'ont fouettée en la tenant suspendue par sa chevelure superbe.

Les coups qu'elle a reçus étaient si cruels qu'ils ont fendu sa peau.

Mais cela ne suffisait pas encore à ses bourreaux: avec leurs ongles, ils lui ont arraché des lambeaux de peau jusqu'à la chair.

Ils ont jeté cette jeune fille — presque une enfant — à coups de pieds d'un bout à l'autre de la chambre et

ont piétiné son pauvre corps sous leurs talons. Et quand, au bout de ses forces, elle est tombée sans connaissance, une de ces brutes l'esseya de violer. Ce héros — officier de l'armée de Sa Majesté le Tsar — s'appelle Abramoff.

Tous ces faits ont été vérifiés par une enquête minutieuse sur place.

Le gouvernement, effrayé par l'opinion publique, éveillée par le récit de ces faits dans la presse, la renvoya devant le tribunal de guerre, et la condamna à mort pour cacher toutes les traces des crimes de ses agents.

On l'a jugée et condamnée pour avoir tué cette brute, Lougenoppsky — vice-gouverneur de Tamboff — qui fit périr sous les nagaïka des villages entiers et fusiller les gens sans enquête ni jugement.

Elle délivra son peuple de cette bête humaine dont le nom faisait trembler tout un district. Elle sacride sa jeune vie à son peuple aimé, à sa patrie adorée.

Femmes de France, nos amies, nos alliées, vos coeurs tressaillent sans doute au récit de ces atrocités.

Unissez-vous dans une protestation formidable, et par l'immense puissance de vos forces réunies, ne permettez plus de torturer et d'humilier la femme!

Que votre parole solennelle retentisse en écho puissant dans l'Europe entière! Qu'elle fasse trembler tous les bourreaux, tous les tortionnaires qui entourent d'une foule compacte le trône du Tsar.

Eveillez la juste colère dans les coeurs de vos maris, pères et frères; poussez-les à faire cesser, par leurs protestations unanimes, le déluge de sang qui sumberge la Russie!

Cette protestation du monde civilisé fera peut-être

honte au gouvernement russe, et peut-être pourra-t-elle encore rendre vivante à notre patrie mutilée, terrorisée et souffrante, cette femme admirable! Arrachons-la à ses bourreaux!

W. Wladimiroff.

Воззваніе къ женщинамъ Франціи.

Лучшее дитя нашего отечества сдѣлалось жертвой гнуснѣйшаго насилія агентовъ нашего правительства. Молоденькая дѣвушка, Марія Спиридонова, была подвергнута пыткѣ въ застѣнкѣ, какъ въ средніе вѣка. Палачи изощрялись въ истязаніяхъ, чтобы вырвать у нея стонъ, хотя бы малѣйшую жалобу, но она осталась тверда и непоколебима—ни одинъ звукъ не вырвался изъ ея избитой груди, ни одинъ крикъ не вышелъ изъ ея горла.

Они вырывали ей волосъ за волосомъ и ослѣпили ее на одинъ глазъ.

Совершенно раздѣтую, оба ея палача—офицеръ Авраамовъ и его сотоварищъ Ждановъ—продержали ее, дрожащую отъ холода, въ теченіе 11 часовъ въ мерзлой камерѣ.

Они гасили о ея обнаженное тѣло горящія папиросы, они хлестали ее нагайками, держа ее въ воздухѣ за ея чудные волосы.

Удары были такъ сильны и жестоки, что просѣкали кожу.

Но и этого было недостаточно ея палачамъ — они ногтями отдирали кожу отъ мяса.

Они перебрасывали эту дѣвушку-ребенка изъ одного конца комнаты въ другой и топтали ея бѣдное тѣло своими каблуками.

И наконецъ, когда она, обезсиленная, потеряла сознаніе, одинъ изъ этихъ скотовъ пытался изнаси-

ловать ее. Этотъ герой—офицеръ арміи Его Императорскаго Величества, Царя—по имени Аврамовъ.

Всѣ эти факты были детально провѣрены на самомъ мѣстѣ. Правительство, напуганное общественнымъ мнѣніемъ, возбужденнымъ этими фактами, сообщенными въ печати, предало Спиридонову военному суду, который и приговорилъ ее къ смерти, чтобы скрыть всѣ слѣды преступленій своихъ агентовъ.

Ее судили и приговорили къ смерти, за то, что она убила этого скота, Лужековскаго, — вице-губернатора тамбовскаго, — который на смерть забилъ нагайками цѣлыя деревни и массу людей разстрѣлялъ безъ суда и слѣдствія. Она избавила свой народъ отъ этого человѣка-звѣря, заставлявшаго дрожать цѣлую округу.

Она пожертвовала своей молодой жизнью своему дорогому народу, своему горячо любимому отечеству.

Женщины Франціи, наши друзья, наши союзницы— вѣдь ваши сердца сжимаются отъ ужаса при чтеніи этого пересказа! Соединяйтесь же въ грандіозномъ протестѣ, и необъятнымъ могуществомъ вашихъ соединенныхъ силъ помѣшайте мучить и унижать женщину! Да раздастся ваше торжественное слово, какъ могучее эхо, по всей Европѣ.

Пусть оно заставитъ дрожать всѣхъ палачей, всѣхъ мучителей-опричниковъ, окружающихъ сплошной тѣсной толпой престолъ Царя!

Возбуждайте справедливый гнѣвъ въ сердцахъ вашихъ мужей, отцовъ, братьевъ! Настаивайте, чтобы они силой своихъ протестовъ остановили потоки крови, затопляющіе Россію.

Этотъ протестъ цивилизованной страны, можетъ-быть, устыдитъ русское правительство, и, можетъ-быть, оно рѣшится отдать нашему истерзанному, запуганному, несчастному отечеству эту чудную женщину! Вырвемъ же ее изъ рукъ палачей!

В. Владиміровъ.

Une nouvelle lettre de monsieur Vladimiroff, rédacteur au Vingtième Siècle (ancienne Rouss).

St.-Pètersbourg, 17 Avril.

Tous les jours le télégraphe nous apporte de nouveaux noms des meilleurs citoyens français qui ont pris la défense de la vie et de l'honneur de notre pauvre jeune fille martyrisée, Marie Spiridonoff, ce symbole vivant de notre Patrie persécutée, saignante, tourmentée.

Ces longues colonnes des journaux avec les noms des écrivains et des hommes politiques français en vue, remplissent de joie le coeur de tout Russe aimant sa Patrie, et font naître un sentiment de gratitude à l'égard de nos alliés occidentaux qui ont répondu à notre douleur, à nos souffrances.

Dans mon précédent appel aux femmes Françaises, j'écrivais que leur protestation vigoureuse, consciente et ferme arrêterait, tel un avertissement redoutable, la main de notre gouvernement criminel et l'empêcherait de répandre le sang de la malheureuse Marie Spiridonoff.

Le gouvernement à renoncé à l'éxécution...

Mais cette concession à la Société Française et Russe n'a pas empêché la vie de Marie Spiridonoff de rester gravement compromise.

Notre infâme gouvernement a en effet laissé 16 jours durant, la jeune fille malade, dans l'incertitude sur ce qui l'attendait, la vie ou la mort.

Elle se rendait bien compte, après avoir appris l'arrêt de mort, que le gouvernement des exécutions et des

tortures, du sang et de l'anarchie qu'est le gouvernement actuel, ne s'arrêterait pas devant l'effusion de son sang, n'hésiterait pas un instant à perpétrer son oeuvre.

Aussi attendait-elle la mort à tout moment, à toute heure, journellement.

Mais pendant 16 jours, le gouvernement, qui ne l'exécutait pas, ne lui déclara pas non plus sa grâce.

Il l'abandonnait de propos délibéré on proie à l'attente incessante de la mort, pour que chaque bruit, chaque mouvement dans le corridor, lui fît croire à l'arrivée du bourreau.

Le soir, elle ne pouvait se coucher tranquille, sachant bien que chez nous, en Russie, les exécutions se font, la plupart du temps, à l'aube.

Elle savait que les premiers rayons du soleil levant pouvaient être pour elle le coucher de sa vie.

Chaque fois, au jour naissant, elle sautait anxieusement du lit et se mettait près de la porte, aux écoutes.

Agitée, nerveuse, elle attendait que le bourreau vint la chercher. Quand cessera cette angoise se? se demandait elle; quand le gouvernement mettra-t-il un terme à cette torture, regarder venir la mort, de sentir son souffle? Et continuer à vivre de la sorte!

Il lui arriva plus d'une fois durant ces 16 atroces journées, de percevoir dans le corridor des bruits de pas. Attentive, elle attendait, le coeur saisi d'une angoisse mortelle... Les pas s'approchaient de sa cellule, la clef tournait dans la serrure, la porte s'ouvrait et, tremblante, elle s'attendait à ce qu'une voix glaciale, indifférente lui dit: «Suivez nous!»...

Mais à la place du bourreau en chemise rouge, elle apercevait des figures aimées: sa mère, sa soeur. Ces

passages brusques, soudains de la vision notte et cruelle de la mort, à celui de la folle joie de revoir des êtres si chers à son coeur, ont tout ébranlé le système nerveux de la jeune fille et affaibli tout son organisme.

La soeur de Marie Spiridonoff qui a eu recomment une entrevue avec elle disait avoir trouvé Maroussia [1]) affreusement changée, maigrie; les yeux cernés brillaient d'un éclat fébrile et de leurs orbites sombres et profonds semblaient regarder la mort...

Maroussia a elle-même raconté à sa soeur qu'elle se sentait depérir, que ses forces l'abandonnaient tous les jours un peu plus, qu'elle ne pouvait supporter davantage cette incertitude torturante, qu'elle aurait mieux aimé mourir que d'attendre ainsi la mort. En raison de son état d'éxitation nerveuse, elle a commencé à cracher le sang beaucoup plus, qu'untérieurement. Parfois elle rejette tant que le médecin ne peut l'arrêter. Une assiète s'on emplit d'un soul trait.

A un de ces moments d'attente angoissante elle se fabrique avec des épingles à cheveux un gibet modale avec de la mie de pain noir, une minuscule figure de femme qu'elle attacha au moyen d'un cheveu à elle sa potence improvisée, et elle se disait en balançant la petite figure sombre: «c'est ainsi que sera balancée par les coups de vents la pauvre Maroussia!»...

Le gouvernement a renoncé à son exécution...

Après 16 jours de terrible attente il lui signifia que l'arrêt de mort était commun en travaux forcés.

Mais le gouvernement n'on a pas moins atteint son but.

---

[1]) Diminutif de Marie.—H. D. L. R.

Au lieu de tuer Marie Spiridonoff à l'aide d'une corde de chanvre, il l'à achevée au moyen de tortures morales, plus lentes, mais aussi sûres. Cette dernière torture qui a consisté à faire attendre à la victime sa mort pendant 16 longues journées, a couronné l'oeuvre sanglante du gouvernement d'infâmie.

Marie Spiridonoff va maintenant mourir!...

Selon la conclusion du médecin Fink, il s'est développé chez elle depuis tout recemment, la tuberculose pulmonaire sous la forme la plus aigue.

Ses jours sont comptés; elle se meurt...

Que les meilleurs et les plus célèbres citoyens et citoyennes de France expriment par leurs signatures à notre gouvernement, qui sème l'anarchie, leur blâme et leur mépris, qu'ils lui déclarent ainsi impérieusement et bien haut: «Assez de sang!»...

V. Vladimiroff.

Новое письмо г. Владимирова, редактора „XX вѣка“ (прежней „Руси“).

С.-Петербургъ, 17 апрѣля.

Каждый день телеграфъ приноситъ намъ новыя имена лучшихъ французскихъ гражданъ, взявшихъ на себя защиту жизни и чести бѣдной измученной дѣвушки, Маріи Спиридоновой, этого живого символа нашей угнетенной, окровавленной, истомленной родины.

Эти длинные столбцы журналовъ, съ именами видныхъ французскихъ писателей и политическихъ дѣятелей, наполняютъ радостью сердце каждаго русскаго, любящаго свою родину, и порождаютъ чувство благо-

дарности къ нашимъ западнымъ союзникамъ, которые откликнулись на наше горе, на наши страданія.

Въ своемъ предшествовавшемъ воззваніи къ французскимъ женщинамъ я писалъ, что ихъ могучій, убѣжденный и непоколебимый протестъ,—такое грозное предостереженіе, которое остановило бы руку нашего преступнаго правительства и помѣшало бы пролить кровь несчастной Маріи Спиридоновой.

Правительство отказалось отъ казни...

Но эта уступка французскому и русскому обществу не помѣшала медленно подвергать мученіямъ жизнь Маріи Спиридоновой.

Наше безчестное правительство дѣйствительно въ продолженіе 16 дней оставляло больную дѣвушку въ неизвѣстности относительно того, что ее ожидало — жизнь или смерть.

Она хорошо понимала, узнавъ о смертномъ приговорѣ, что правительство казней и пытокъ, крови и анархіи, каково дѣйствительно правительство, не остановится передъ пролитіемъ ея крови, не поколеблется ни минуты совершить свое дѣло.

Такъ ждала она смерти каждую минуту, каждый часъ, каждый день.

Но, въ продолженіе 16 дней, правительство, которое не казнило ея, не объявляло ей и о своей милости.

Оно нарочно отдало ее въ жертву безконечнаго ожиданія смерти, чтобы каждый шумъ, каждое движеніе въ коридорѣ заставляли ее думать о приближеніи палача.

Вечеромъ она не могла спокойно лечь спать, хорошо зная, что у насъ, въ Россіи, казни происходятъ обыкновенно на разсвѣтѣ.

Она знала, что для нея первые лучи восходящаго солнца могли быть закатомъ ея жизни.

Каждый разъ, на разсвѣтѣ, она съ тоской вскакивала съ постели и бросалась къ двери подслушивать. Возбужденная, изнервничавшаяся, она ждала, что сей-

часъ придетъ за ней палачъ. «Когда конецъ этой тоскѣ?» спрашивала она себя. «Когда правительство положитъ конецъ этой пыткѣ? Смотрѣть, какъ идетъ смерть, чувствовать ея дыханіе! И продолжать жить такъ!»

Въ продолженіе этихъ ужасныхъ 16 дней ей случалось не разъ слышать шумъ шаговъ въ коридорѣ. Вся превратившись во вниманіе, она ждала; сердце щемила смертельная тоска... Шаги приближались къ ея клѣткѣ, ключъ повертывался въ замкѣ, дверь отворялась, и, дрожащая, она ждала, что холодный, безразличный голосъ ей скажетъ: «Идите за нами!»

Но, вмѣсто палача въ красной рубахѣ, она видѣла любимыя лица: свою мать, свою сестру.

Эти горячіе и неожиданные переходы отъ страшнаго призрака смерти къ видѣніямъ безумной радости—снова увидѣть людей, столь дорогихъ ея сердцу, совсѣмъ потрясли нервную систему молодой дѣвушки и ослабили весь ея организмъ.

Сестра Маріи Спиридоновой, которая недавно имѣла съ ней свиданіе, говорила, что она нашла Марусю страшно измѣнившейся, похудѣвшей; глаза, подъ которыми синіе круги, лихорадочно блестѣли, и казалось, что они изъ своихъ глубокихъ и темныхъ орбитъ видятъ смерть...

Маруся сама разсказала своей сестрѣ, что она чувствуетъ, что слабѣетъ, что силы ее покидаютъ съ каждымъ днемъ все больше и больше, что она не можетъ дольше переносить эту мучительную неизвѣстность, что она предпочла бы умереть, чѣмъ ждать такимъ образомъ смерти. Благодаря своему нервному состоянію, она начала гораздо сильнѣе харкать кровью, чѣмъ раньше. Иногда у нея столько выходитъ крови, что врачъ не можетъ остановить. Тарелка наполняется кровью съ одного разу.

Въ одну изъ минутъ мучительнаго ожиданія она устраиваетъ изъ шпилекъ висѣлицу, слѣпленный мякишъ чернаго хлѣба изображаетъ женщину, которую

она посредствомъ волоса привязываетъ къ своей импровизированной висѣлицѣ, и говоритъ себѣ, раскачивая маленькую темную фигурку: «Точно такъ вѣтеръ будетъ качать бѣдную Марусю!»

Правительство отказалось отъ казни...

Послѣ 16 дней ужаснаго ожиданія, оно объявило Спиридоновой, что смертный приговоръ замѣненъ каторжными работами.

Но правительство этимъ не менѣе достигло своей цѣли.

Вмѣсто того, чтобы убить Марію Спиридонову при помощи пеньковой веревки, оно добило ее посредствомъ нравственныхъ мученій—болѣе медленныхъ, но такихъ же вѣрныхъ.

Это послѣднее мученіе, которое состояло въ ожиданіи его жертвой смерти въ продолженіе долгихъ 16 дней, завершило кровавое дѣло позорнаго правительства.

Марія Спиридонова должна теперь умереть!..

По заключенію врача Финка, у нея совсѣмъ недавно развился туберкулезъ легкихъ въ самой острой формѣ.

Ея дни сочтены; она умираетъ...

Пусть лучшіе и извѣстнѣйшіе граждане и гражданки Франціи своими подписями выразятъ нашему правительству, которое сѣетъ анархію, свое негодованіе и презрѣніе, пусть они заявятъ величественно и громко: «Довольно крови!»

В. Владимiровъ.

Chaton, 30 Mars 1906.

A Monsieur W. Wladimirov,
Redakteur à la Russ.

Monsieur,

Sous l'empire de l'indignation ressentié en lisant dans «l'Humanité» le recit des atroces scènes de barbarie, dont Marie Spiridonoff a été l'héroique victime, je réponds à votre appel aux femmes Françaises et viens par ma lettre même témoigner à cette admirable jeune fille ainsi qu'au malheureuse peuple Russe terrorisé mes sentiments d'amour fraternel (que ne puis-je hélas davantage) et protester violemment contre l'impunité de pareils crimes.

Qu'attends donc le père du peuple Russe, j'ai nommé le Tsar, pour faire expier aux brutes immondes, ses soudards dévoués, les atrocités qu'ils ont commises?

Que cette brave jeune fille ait succombé, pour décorer ses bourreaux.

Honte et mépris à ce gouvernement de terreur et d'injustices.

Mes soeurs et mes frères Russes, en avant, tels nos pères Français, prenez d'assaut votre Bastille, pour délivrer cette héroique victime notre soeur à tous.

Louise Carles,
socialiste-révolutionnaire.

Je compte sur l'obligeance de Monsieur l'administrateur du journal «l'Humanité», pour faire parvenir ma lettre à son destinataire; et, l'autorise à publier ma lettre signée, mais non mon adresse.

L. Carles.

Господину В. Владимірову, сотруднику «Руси».

Подъ вліяніемъ негодованія, испытаннаго при чтеніи въ «l'Humanité» разсказа о потрясающихъ сценахъ варварства, въ которыхъ Марія Спиридонова была героической жертвой, я отвѣчаю на ваше воззваніе къ французскимъ женщинамъ, и спѣшу этимъ самымъ письмомъ выразить этой удивительной молодой дѣвушкѣ, а также несчастному русскому терроризованному народу, свои чувства братской любви (увы! это все—что я могу) и горячо протестовать противъ безнаказанности подобныхъ преступленій.

Чѣмъ же отецъ русскаго народа,—я разумѣю царя,—заставитъ искупить этихъ нечистыхъ животныхъ—своихъ преданныхъ слугъ — совершенныя ими жестокости?

Не тѣмъ ли, что наградитъ орденами палачей за гибель этой славной молодой дѣвушки?

Стыдъ и презрѣніе этому правительству террора и беззаконій!

Мои сестры и мои русскіе братья! «впередъ!», берите приступомъ вашу Бастилію, чтобы освободить эту героическую жертву, нашу общую сестру.

Луиза Карль.

Я расчитываю на любезность редактора журнала «l'Humanité», чтобы доставить мое письмо по назначенію къ г. Владимірову, и уполномочиваю его опубликовать мое письмо за моей подписью, но безъ моего адреса.

Л. Карль.

Paris, 19 rue Lebon XVII, 31 Mars 1906.

Monsieur,

L'atroce et ignominieux martyre subi par une courageuse et instruite jeune fille de 23 ans, Marie Spiridonow, soulèverait l'indignation des plus endurcis. Mais il ne suffit pas d'appeler la protestation, *il faut la provoquer* et la rendre utile.

S'il est en France quelques hommes dont le coeur ne tressaille pas douloureusement à la lecture du sobre récit publié par W. Wladimirow, rédacteur à la *Rouss*, parmi ceux qui croient encore à l'utilité d'une alliance avec le gouvernement anarchique de l'imbécile burocrassité au nom de qui on terrorise la Russie, il n'est certainement pas une femme française, riche ou pauvre, qui ne sente le devoir pour les femmes civilisées de protester par un grand pétionnement féministe de toutes les classes sociales contre les tortures, les outrages, les violences et les mutilations que deux fréres d'armes des acquittés de Nantes et de Bordeaux, les officiers de l'armée russe, Abramow et Jdanow, ont infligé à une frèle enfant accusée sans doute, mais qui avait droit, au moins, au respect de sa pudeuret à la stricte justice à l'abri des codes.

Le même mouvement spontané, intellectuel et humain qui sauva Gorcki, doit si non sauver Marie Spiridonow,— cela parait impossible, — du moins empêcher que de pareilles injures à l'Humanité ne se renouvellent, au seuil du XX siècle, au nom d'un Gouvernement, qui a

l'audace de se proclamer l'ami de la France généreuse et juste.

«L'Humanité» prend-elle l'initiative de ce vaste mouvement féminin?

Veuillez agréer, monsieur le directeur, mes sentiments très distingués.

Charles Buffart.
Homme de lettres.

Жестокое и позорное мученіе, испытанное мужественной и образованной молодой дѣвушкой 23 лѣтъ, Маріей Спиридоновой, вызвало бы негодованіе самыхъ огрубѣлыхъ.

Но недостаточно вызывать протестъ: надо его провозгласить и провести; если найдется во Франціи хоть какой-нибудь мужчина, сердце котораго не сжимается болью при чтеніи сдержаннаго разсказа, опубликованнаго г. Владиміровымъ, сотрудникомъ «Руси», между тѣми, которые вѣрятъ еще въ пользу союза съ анархическимъ правительствомъ изъ кровожадной бюрократіи, во имя котораго Россія терроризуется, то, конечно, не найдется ни одной французской женщины, богатой или бѣдной, которая не почувствовала бы долга цивилизованныхъ женщинъ протестовать всѣми соціальными классами противъ пытокъ, оскорбленій, насилій и изувѣченій, которые нанесли два офицера русской арміи, Аврамовъ и Ждановъ, хрупкому ребенку, безъ сомнѣнія виновному, но который имѣлъ право, по крайней мѣрѣ, на уваженіе его цѣломудрія и на строгое правосудіе подъ защитой законовъ. То движеніе, добровольное, интеллектуальное и человѣческое, которое спасло Горькаго, должно, если не спасти Марію Спиридонову (это кажется невозможнымъ), то по крайней мѣрѣ воспрепятствовать, чтобы подобныя оскорбленія человѣчеству, не совершались на порогѣ

20 вѣка, во имя правительства, которое имѣетъ смѣлость провозглашать себя другомъ Франціи — великодушной и справедливой.

«L'Humanité» беретъ ли на себя инициативу этого обширнаго женскаго движенія?

Шарль Бюфаръ (литераторъ).

Poitiers, 9 Avril 1906.

A Monsieur Wladimiroff.

Les Etudiants Libertaires de la Faculté de Poitiers (France) félicitent chaleureusement Monsieur Wladimiroff, qui tente d'arracher aux bourreaux le corps mutilé de Marie Spiridonoff.

Ils se joignent de tout coeur à la foule des protestataires qui réclament la grâce de la malheureuse jeune fille.

Le martyr de Marie Spiridonoff a trop duré. Si la Justice est assez lâche pour réclamer encore un châtiment; que ce soit l'exil!

Ils supplient enfin Marie Spiridonoff de quitter, aussitôt grâciée ou exilée, la terre de Russie, et de venir partager avec eux une vie de travail et d'indépendance.

Ce n'est pas une vie de luxe et de richesse que les Etudiants offrent à la jeune fille. Mais c'est le morceau de pain qui fait vivre pour lutter; c'est la sympathie et l'amitié qui retrempent les âmes terrassées et les apprêtent à de nouveaux combats.

Adresse: Groupe Etudiant chez M. Cristobal Mayol, rue Mexico, Poitiers, France.

Господину Владимірову.

Либеральные студенты въ Пуатье (Франція) горячо поздравляютъ г. Владимірова, который пытается вырвать изъ рукъ палачей изувѣченное тѣло Маріи Спиридоповой. Они отъ всего сердца присоединяются къ массѣ протестующихъ, которые провозглашаютъ помилованіе несчастной молодой дѣвушкѣ.

Мученичество Маріи Спиридоновой продолжалось слишкомъ долго. Если правосудіе достаточно подло, чтобы объявить еще кару, то пусть будетъ это ссылка! Они умоляютъ наконецъ Марію Спиридонову покинуть тотчасъ же, пусть это будетъ помилованіе или ссылка, русскую землю и раздѣлить вмѣстѣ съ ними жизнь труда и независимости.

Это не будетъ жизнь роскоши и богатства, которую студенты предлагаютъ молодой дѣвушкѣ, но это будетъ кусокъ хлѣба, который создастъ жизнь для борьбы.

Это симпатія и дружба, которыя снова закаляютъ измученныя (угнетенныя) души и приготовляютъ ихъ къ новымъ битвамъ.

Группа студентовъ у господина *Кристобаль-Майоль*.

Châton; 27 Avril 1906.

Mademoiselle, et amie!

Mon coeur s'est soulevé d'indignation et d'horreur, en apprenant votre douloureux martyre, supporté avec un héroisme vraiment surhumain.

Pour délivrer d'une bête féroce, vôtre peuple adoré, vous n'avez pas hésité à sacrifier vôtre jeune vie.

Gloîre vous en soit rendue, ô vous qui avez tant souffert. Espérons, que votre noble sacrifice ne sera pas demeuré inutile, et, que le peuple Russe triomphant de ses bourreaux, verra se lever une ère nouvelle de paix et de libertés.

Vôtre nom, admirable jeune fille, restera gravé à jamais dans l'histoire, parmi les libérateurs du peuple.

Et! si cela peut apporter quelque douceur à votre cruelle captivité, dites vous, qu'il est en France une femme qui vous aime et vous admire, en rêvant pour vous une prompte et entière revanche.

Louise Carles,

socialiste-révolutionnaire.

Шатонъ. 27 апрѣля 1906 г.

Сударыня, и другъ!

Мое сердце наполнилось негодованіемъ и ужасомъ, когда я узнала о вашихъ страшныхъ мученіяхъ, перенесенныхъ поистинѣ съ сверхчеловѣческимъ мужествомъ.

Чтобы избавить отъ лютаго звѣря вашъ обожаемый народъ, вы не задумались пожертвовать своей молодой жизнью.

Слава вамъ за это! О, вы, которая такъ пострадала!

Будемъ надѣяться, что ваша благородная жертва не пройдетъ безслѣдно, и что русскій народъ, побѣдивъ своихъ палачей, увидитъ восходящую новую эру мира и свободы.

Ваше имя, чудная дѣвушка, останется навсегда начертаннымъ на страницахъ исторіи, среди избавителей народа.

Ахъ, если бы это могло доставить вамъ нѣкоторое успокоеніе въ вашемъ ужасномъ плѣну! Знайте, что во Франціи есть женщина, которая васъ любитъ и восхищается вами, грезитъ скорымъ и полнымъ отмщеніемъ за васъ.

Луиза Карль,

соціалистка-революціонерка.

Châton, 27 Avril 1906.

Monsieur,

L'accueil chaleureux, que ma première lettre a trouvé près de vous m'a touchée jusqu'à l'âme. Ce courant de sympathie profonde, unissant les êtres qui souffrent et se dévouent pour les mêmes causes, n'est-il pas la preuve irrécusable, qu'il ne peut exister de frontières là où les efforts sont communs.

La France socialiste toute entière est avec vous, et nous rèprouvons hautement la participation prise par le gouvernement Français à l'emprunt Russe.

Ceux qui se disent bien haut les amis dévoués de la Russie, sont ses pires ennemis, puisqu'ils prêtent de l'or aux bourreaux du peuple, pour les soutenir et les encourager dans leur odieuse oeuvre exterminatrice.

A mort! les assassins et les tortionnaires. Notre gouvernement actuel, bien loin, hélas! de rèaliser l'idéal socialiste, accumule fautes sur fautes; il met aux prises l'armèe et les grévistes mineurs, fait couler le sang et, se moquant des justes revandications ouvrieres il protege le capital.

Je souhaite ardemment, qu 'un jour vienne, où les prolétaires du monde entier, si longtemps opprimés, s'unissent enfin dans un formidable èlan de fraternité, et qu' ils imposent par leur force grandiose la paix universelle et l'égalité pour tous.

Vive le socialisme international! Je crains fort, Mon-

sieur, d'avoir abusé d'un temps bien précieux: excusez moi. Je joins une lettre pour M-lle M. Spiridonoff, et serais heureuse au delà de toute expression, si ces quelques lignes vous apportent ainsi qu'a elle une petite consolation. Je termine ma lettre, Monsieur, en vous priant d'agréer, avec ma sympathie ardente, l'assurance de mon entier dévouement.

Louise Carles,
socialiste-révolutionnaire.

21 Rue du Château, Châton.

Seine et Oise, France.

Шатонъ, 27 апрѣля 1906 г.

Милостивый Государь!

Горячій пріемъ, который нашло у васъ мое первое письмо, тронулъ меня до глубины души. Этотъ потокъ глубокой симпатіи, соединяющей людей, которые страдаютъ и посвящаютъ себя одному и тому же дѣлу, развѣ онъ не служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что не можетъ существовать границъ тамъ, гдѣ усилія общія?

Вся соціалистическая Франція съ вами, и мы рѣзко осуждаемъ участіе французскаго правительства, принятое въ русскомъ займѣ.

Тѣ, которые высокомѣрно называютъ себя преданными друзьями Россіи,—злѣйшіе ея враги, потому что они ссужаютъ золотомъ палачей народа, чтобы поддержать и поощрить ихъ въ гнусномъ дѣлѣ истребленія.

Смерть, убійцы и насильники! Наше теперешнее правительство — какъ оно — увы! — далеко отъ осуществленія идеала соціализма! — умножаетъ ошибки, вовлекаетъ въ борьбу армію и углекоповъ-стачечниковъ, проливаетъ кровь и, насмѣхаясь надъ справедливыми требованіями рабочихъ, покровительствуетъ капиталу.

Я горячо желаю, чтобы насталъ день, когда пролетаріи всего свѣта, такъ долго угнетаемые, соединились въ одномъ грозномъ порывѣ братства и установили своей грандіозной силой всеобщій миръ и равенство для всѣхъ.

Да здравствуетъ международный соціализмъ!

Я очень боюсь, милостивый государь, злоупотребить Вашимъ драгоцѣннымъ временемъ; простите меня! Я прилагаю письмо для г-жи М. Спиридоновой, и была бы невыразимо счастлива, если бы нѣсколько этихъ строкъ доставили какъ вамъ, такъ и ей, маленькое утѣшеніе.

Я кончаю свое письмо, милостивый государь, просьбой принять, вмѣстѣ съ моей горячей симпатіей, увѣреніе въ моей дружбѣ.

Луиза Карль, соціал.-револ.

21, улица Шато, Шатонъ,
Франція.

Après l'abominable atrocité que j'ai vue dans mon journal ce que l'on fait souffrir à la pauvre demoiselle Marie Spiridonoff. Nous venons vous solliciter de vouloir bien nous inscrire à la pétition que toutes les françaises forment pour lui obtenir sa grâce. Bonne amie et alliées nous espérons que sa Majesté le Tzar lui fera grâce.

Leclerc Clement, Athalie Rouffroi & E. Resier.

Послѣ гнуснаго дѣла, которое я прочиталъ въ моемъ журналѣ, и всего того, что заставили перестрадать бѣдную Марію Спиридонову, мы просимъ васъ согласиться присоединить наши подписи къ пе-

тиціи, которую составляютъ всѣ француженки, чтобы добиться для нея помилованія. Добрый другъ и союзницы, мы надѣемся, что Его Величество, царь, помилуетъ ее!

Леклеркъ Клеманъ,
Атали Руффруа, Е. Резье.

Voulez vous être assez gentil pour transmettre au «Courrier Européen» mon adhésion à la protestation si justifiée qu'il insère contre les abominables tortures subies par Marie Spiridonoff et la condamnation à mort prononcée contre celle-ci par la Justice Russe.

N. Gouet.

Не будете ли такъ любезны передать «Европейскому Курьеру» мое согласіе со справедливымъ протестомъ, который онъ помѣщаетъ противъ гнусныхъ пытокъ, перенесенныхъ Маріей Спиридоновой, и противъ смертнаго приговора, произнесеннаго надъ ней русскимъ правосудіемъ.

Н. Гуэ.

Je m'associe vigoureusement à l'oeuvre du Comité de protestation contre le rétablissement de la torture en Russie et adresse ses plus vives sympathies et félicitations aux généreux initiateurs de ce beau geste de solidarité humaine.

Georges Thouret, rédacteur en chef du
***Républicain** à Havre.*

Энергично присоединяюсь къ дѣлу комитета протеста, возмущаюсь возобновленіемъ пытки въ Россіи и шлю свои искреннія симпатіи смѣлымъ иниціаторамъ этого общественнаго движенія.

Жоржъ Туре,

главный редакторъ газ. «Республиканецъ» въ Гаврѣ.

Proteste énergiquement contre la conduite inqualifiable des policiers russes. Vous adresse mon adhèsion en faveur de la courageuse et sympathique Marie Spiridonoff!

A. Ferrand.

Энергично протестую противъ безобразнаго поведенія русской полиціи.

Шлю вамъ свое сочувствіе безстрашной и глубоко симпатичной Маріи Спиридоновой!

А. Ферранъ.

Grand Orient Luzitanien uni solidaire manifestation intellectuels tous les pays en faveur Marie Spiridonoff, victime despotisme moscovite, vous envoie son adhèsion entière nom maçonnerie portugaise.

Fausto de Quadros (Secrétaire général).

Великій Лузитанскій востокъ, присоединяясь къ духовному протесту всѣхъ странъ въ пользу Маріи Спиридоновой, жертвы русскаго деспотизма, шлетъ полное согласіе отъ имени португальскаго масонства.

Фаусто де-Кадросъ (Главный секретарь).

Au comité de protestation pour sauver Marie Spiridonoff victime et héroïne de la revolution russe. Etre un soussigné de l'acte de protestation me sera un vrai honneur.

Aug. Vancan.

Въ комитетъ протеста ради спасенія Маріи Спиридоновой, жертвы и героини русской революціи.
Быть въ числѣ подписавшихся подъ актомъ протеста мнѣ доставитъ истинное счастье.

Авг. Ванканъ.

Quoique ma signature n'ait aucune importance, je désire pourtant vous donner mon adhèsion à la protestation en faveur de Marie Spiridonoff, et vous dire combien je voudrais participer a la belle initiative prise par le «Courrier Européen», espérant avec lui que la solidarité arrivera à en imposer aux bourreaux.

Berthe Dumon Mesdach.

Хотя моя подпись не имѣетъ никакого значенія, я желала бы однако дать вамъ свое согласіе на протестъ въ пользу Маріи Спиридоновой и сказать, что я очень хотѣла бы участвовать въ прекрасной иниціативѣ, взятой на себя «Европ. Курьеромъ», надѣясь вмѣстѣ съ нимъ, что солидарность приведетъ къ устрашенію палачей.

Берта Дюмонъ Медашъ.

Vous ne doutez pas j'en suis sur que mon indignation n'égale celle de tous les gens de coeur et de haute intellectualité, qui si energiquement et si douloureusement protestent contre les atrocités qu'avec tant de raison vous entendez signaler au monde civilisé.

Président Magnaud.

Вы не сомнѣваетесь, я въ этомъ увѣренъ, что моя подпись равняется подписямъ всѣхъ тѣхъ людей сердца и высокаго ума, которые такъ энергично и съ такой скорбью протестуютъ противъ гнусностей, которыя столь основательно описываются въ цивилизованномъ мірѣ.

Президентъ Маньо.

Peut-être la mort abrègerait-elle des tortures semblables à celles que l'aveugle fanatisme infligea à Marie Spiridonoff, mais au nom de l'équité et de l'humanité, au nom des poêtes français associés, je mets de plein coeur ma signature et celle de ma compagne au bas de votre protestation.

Alcanter de-Brahm.

Можетъ быть, смерть прерветъ мученія, подобныя тѣмъ которымъ слѣпой фанатизмъ подвергъ Марію Спиридонову, но во имя правосудія и человѣчности, отъ имени объединенныхъ французскихъ поэтовъ, я отъ всего сердца присоединяю подписи мою и моей жены къ вашему протесту.

Алкантэ де-Брамъ.

Je soussigné Alfred Converset, Négociant, Président du Tribunal de Commerce à Chatillon s/Seine, m'associe pleinement et de tout coeur à demander la grâce de Marie Spiridonoff, jeune Russe, condamnée à mort, et vous autorise à faire figurer ma signature parmi les pétitionnaires, ne pouvant me rendre en personne dans vos bureaux.

Alfred Converset.

Я, нижеподписавшійся, Альфредъ Конверсе, негоціантъ, президентъ Коммерческаго суда въ Шатильонѣ на Сенѣ, присоединяюсь вполнѣ и отъ всего сердца къ требованію помилованія Маріи Спиридоновой, молодой русской, приговоренной къ смерти, и уполномочиваю васъ помѣстить мою подпись между подписями петиціонеровъ, такъ какъ я не могу лично отправиться въ ваше бюро.

Альфредъ Конверсе.

Je joins mes protestations indignées à celles du comité qui vient de s'organiser pour sauver Marie Spiridonoff.

E. Lambotte (membre du Royal collège à Bruxelles).

Присоединяю свой негодующій протестъ къ протесту комитета, образовавшагося ради спасенія Маріи Спиридоновой.

Е. Ламботтъ, членъ Королевской коллегіи въ Брюсселѣ.

Je joins bien volontiers ma protestation à celle des écrivains que vous me signalez en faveur de cette héroique et malheureuse victime de l'autocratie russe.

Gabriel Trarieux.

Охотно присоединяю свой протестъ къ протесту писателей, о которомъ вы меня извѣщаете, въ защиту этой героической и несчастной жертвы русскаго самодержавія.

Габріель Трарьё.

Veuillez ajouter mon nom aux noms des signataires de la protestation si digne et si nécessaire contre les bourreaux de Marie Spiridonoff. Il n'y a pas un fait de l'histoire récente de la Russie qui mérite d'être flétrie par l'opinion Européenne comme le sort de cette malheureuse héroïne.

Georges Brandes.

Соблаговолите присоединить мое имя къ именамъ подписавшихъ столь достойный и столь необходимый протестъ противъ палачей Маріи Спиридоновой. Въ новой исторіи Россіи нѣтъ ни одного факта, который заслуживалъ бы такого клейма европейскаго мнѣнія, какого заслуживаетъ судьба этой несчастной героини.

Георгъ Брандесъ.

On me lit le texte de la protestation dont vous avez pris l'initiative contre la condamnation à mort de Marie Spiridonoff. Je vous prie, en vous remerciant de cette initiative, de vouloir bien joindre mon nom à ceux de vos consignataires.

Frédéric Passy.

Мнѣ прочли содержаніе протеста, инициативу котораго вы взяли на себя, противъ смертнаго приговора Маріи Спиридоновой. Благодарю васъ за эту инициативу и прошу присоединить мое имя къ именамъ подписавшихся вмѣстѣ съ вами.

Фредерикъ Пасси.

Adhère de tout coeur à la protestation ci-jointe, et vous remercie d'avoir bien voulu penser à moi.

Dans l'espoir que cette protestation aura une issue favorable pour cette héroine, je vous présente mes cordialités empressées.

Charles Dumont (deputé).

Отъ всего сердца присоединяюсь къ приложенному здѣсь протесту и благодарю васъ за то, что захотѣли вспомнить обо мнѣ.

Въ надеждѣ, что протестъ будетъ имѣть благопріятный результатъ для этой героини, шлю вамъ свои сердечныя пожеланія.

Карлъ Дюмонъ, депутатъ.

De tout coeur je suis avec les opprimés, contre les opprimeurs et les bourreaux.

Théodore Cahu.

Всѣмъ сердцемъ съ угнетенными и противъ угнетателей и палачей.

Теодоръ Каю.

Inscrivez mon nom.

Yves Guyot (ancien ministre).

Впишите мое имя.

Ивъ Гюйо, бывшій министръ.

Je m'empresse de vous retourner revêtue de ma signature, la protestation contre les tortures infligées à Marie Spiridonoff. De tels actes déshonorent l'humanité.

A. Knight (sénateur).

Спѣшу обратиться къ вамъ съ передачей моей подписи подъ протестомъ противъ мученій, которымъ подвергнута Марія Спиридонова. Подобныя дѣла позорятъ человѣчество.

А. Найтъ, сенаторъ.

Je donne volontiers ma signature au bas de la protestation que vous me soumettez.

C. Ratier (sénateur).

Охотно даю свою подпись подъ протестомъ, который вы мнѣ прилагаете.

К. Ратье, сенаторъ.

Bien entendu je signe la protestation.

Charles Seignobos.

Безъ сомнѣнія, я подписываю протестъ.

Шарль Сеньобосъ.

Je suis de coeur avec ceux qui protestent contre l'infamie que vous me signalez, et ma signature, si vous la croyez nécessaire, est à vous avec mes meilleurs sentiments.

C. Leandre.

Всѣмъ сердцемъ съ протестующими противъ позорнаго дѣла, о которомъ вы мнѣ пишете, и моя подпись, если вы находите ее необходимой, вмѣстѣ съ моими лучшими чувствами, къ вашимъ услугамъ.

К. Леандръ.

Mon cher confrère, je signe des deux mains. Ah, les cochons!

Pierre Mille.

Дорогой собратъ, я подписываюсь обѣими руками. О, свиньи!

Пьеръ Миль.

C'est avec le plus grand empressement et sous l'impression de la plus triste horreur en lisant le récit de l'affreux supplice, que je vous prie de mettre mon nom dans la liste de ceux qui réclament.

Comtesse Mathieu de Noailles.

Съ величайшей поспѣшностью и подъ впечатлѣніемъ ужаса отъ прочитаннаго описанія страшныхъ мученій, прошу помѣстить мое имя въ спискѣ тѣхъ, которые протестуютъ.

Графиня М. де-Ноэль.

De tout coeur.

Antide Boyer (député)

Отъ всего сердца.

Антидъ Буайе, депутатъ.

Vous avez bien fait de me relancer, notre coeur avait déjà bondi d' indignation et nous voulions, mes filles et moi, nous associer à votre protestation.

Pulligny, ingénieur en chef des ponts et chaussé.

Вы хорошо сдѣлали, что обратились ко мнѣ; наше сердце уже билось негодованіемъ, и мы, мои дочери и я, хотѣли бы присоединиться къ протесту.

Пюлиньи, главный инженеръ
мостовъ и шоссейныхъ дорогъ.

Pour Maria Spiridonoff, martyre de la liberté.

Louis Bertrand (publiciste).

За Марію Спиридонову, мученицу за свободу.

Луи Бертранъ, публицистъ.

Je crache tout mon mépris à la face des infâmes bourreaux de Marie Spiridonoff; je soufflète la vile face de l'officier Abramof, de ce lâche object! Grâce pour cette courageuse jeune fille pour cette martyre que je vénère avec un respect infini.

Paul Bosquet (Bruxelles).

Я бросаю все свое презрѣніе въ лицо гнуснымъ палачамъ Маріи Спиридоновой; я бью подлую физіономію офицера Аврамова, этого подлаго негодяя! Помилованіе этой храброй дѣвушкѣ за ея муки, передъ которыми я склоняюсь съ безконечнымъ уваженіемъ.

Поль Боске (Брюссель).

Je joins ma protestation contre les actes infâmes spécifiés ci-dessus et je vous autorise à joindre ma signature à celles déjà énumérées.

Jean Benezech (député).

Я присоединяю свой протестъ противъ гнусныхъ дѣйствій, указанныхъ выше, и уполномочиваю васъ присоединить мою подпись къ подписямъ уже перечисленнымъ.

Жанъ Бенезекъ, депутатъ.

J' adhère à la protestation organisée à Paris contre l'éxécution de Marie Spiridonoff, et m'associe á tout ce qui sera fait contre la barbarie des valets du Tzar.

N. Barthelemy (directeur de la «Jeunesse Laïque», Brüxelles).

Присоединяюсь къ протесту, возбужденному въ Парижѣ противъ казни Маріи Спиридоновой, и соглашаюсь со всѣмъ, что будетъ сдѣлано противъ варварства царскихъ лакеевъ.

Н. Бартелеми, директоръ
«Свѣтской молодежи», Брюссель.

Amis, voulez vous inscrire parmi ceux qui demandent la vie Marie Spiridonoff les deux noms que voici.

Edmond Droz, Docteur Baigue,
prof. à l'université de Besançon.

Друзья, не пожелаете ли вписать два слѣдующихъ имени между именами тѣхъ, которые требуютъ жизни Маріи Спиридоновой.

Эдмондъ Дро, Докторъ Бегъ,
профессора Безансонскаго университета.

Je m'associe de tout coeur à votre généreuse protestation en faveur de Marie Spiridonoff. Pourriez vous, voudriez vous me dire ce qu'est devenue cette infortunée, dans quel bagne russe elle se trouve.

André Mayer, publiciste.

Я отъ всего сердца присоединяюсь къ вашему общему протесту въ пользу Маріи Спиридоновой. Могли ли бы вы, хотѣли ли бы вы мнѣ сказать, что сталось съ этой несчастной, въ какомъ русскомъ острогѣ она находится?

Андре Майеръ, публицистъ.

J'ai été profondément emu et révolté par le récit dans la «Correspondance Russe» des tortures infligées à votre héroïque compatriote Marie Spiridonoff.

Y aurait-il moyen de vous voir pour avoir des renseignements complémentaires. Je désirerai vivement mettre mes compatriotes au courant de ces atrocités. En même

temps je serais heureux de contribuer à faire connaître en Belgique votre feuille si vaillante et si intéressante, dont je vous remercie de bien vouloir me faire le service.

G. Fuss-Amore, corresp. de
«Flandre Libérale» (Gand).

Я былъ глубоко тронутъ и возмущенъ описаніемъ въ «Русской Корреспонденціи» мученій, которымъ подвергалась ваша героическая соотечественница, Марія Спиридонова.

Будетъ ли возможно повидать васъ, чтобы получить дополнительныя свѣдѣнія? Я горячо желалъ бы ввести моихъ соотечественниковъ въ курсъ этихъ гнусныхъ дѣлъ. Въ то же время я былъ бы счастливъ способствовать ознакомленію въ Бельгіи съ вашей газетой, столь мужественной и столь интересной, за которую и благодарю васъ, оказавшаго мнѣ услугу.

Ж. Фюсъ-Аморъ, корреспондентъ
«Свободомыслящей Фландріи».

Je vous serais reconnaissant de bien vouloir joindre mon nom à la liste des personnes qui ont adhèré à la protestation en faveur de la malheureuse et héroïque Marie Spiridonoff.

Alfred Meyer, publiciste.

Я былъ бы вамъ очень признателенъ, если бы вы присоединили мое имя къ списку лицъ, возбудившихъ протестъ въ пользу несчастной и героини, Маріи Спиридоновой.

Альфредъ Мейеръ, публицистъ.

De toute mon âme j'adhère à votre noble protestation en faveur de l'héroïne russe, Marie Spiridonoff.

Jean Delville,
prot. à School of Art de Glasgow.

Отъ всей души присоединяюсь къ вашему благородному протесту въ пользу русской героини, Маріи Спиридоновой.

Жанъ Дельвиль,
профес. въ школѣ Искусства въ Глазго.

J'adhère de tout coeur à la protestation faite en vue de sauver l'heroïne Marie Spiridonoff, dont je souhaite que les souffrances retombent sur la tête de ses assassins.

L. Cantillon, brasseur à Namur.

Отъ всего сердца присоединяюсь къ протесту, возбужденному ради спасенія Маріи Спиридоновой, и желаю, чтобы ея страданія пали на долю ея убійцъ.

Л. Кантиллонъ, пивоваръ въ Намюрѣ.

Je me permets de féliciter mm. Paul et Victor Margueritte de leur généreuse et courageuse initiative et tiens à l'honneur de figurer parmi les signataires de la protestation.

Lucien Frank, artiste-peintre, Bruxelles.

Позволяю себѣ привѣтствовать гг. Поля и Виктора Маргеритъ за ихъ великодушную и мужественную инициативу и почитаю за честь быть среди подписавшихъ протестъ.

Люсьенъ Франкъ, артистъ-художникъ,
Брюссель.

J'ai l'honneur de vous adresser mon adhèsion émue à la protestation pour Marie Spiridonoff.

Docteur Chatenier.

Честь имѣю обратиться къ вамъ съ моимъ сердечнымъ согласіемъ на протестъ за Марію Спиридонову.

Докторъ Шатенье.

Je proteste de tout mon âme contre l'éxécution de Marie Spiridonoff, et demande la condamnation d'Abramoff.

Léon Flandre, instituteur rural.

Отъ всей души протестую противъ казни Маріи Спиридоновой и требую суда надъ Аврамовымъ.

Леонъ Фландръ, сельскій учитель.

Frémissant d'horreur à la lecture de l'odieux supplice que des monstres humains ont fait subir à Marie Spiridonoff, de grand coeur je signe la présente protestation.

J. Weber, député.

Содрогаясь отъ ужаса при чтеніи о гнусномъ мученіи, которому изверги подвергли Марію Спиридонову, отъ всего сердца подписываю этотъ протестъ.

Ж. Веберъ, депутатъ.

Je vous prie de recevoir l'adhèsion de la Société des Hommes de lettres et artistes de Portugal pour la défense de la pauvre victime Marie Spiridonoff. Vous pouvez croire à notre sentiment de pitié qui fait la solidarité des intellectuels de tous les pays dans l'oeuvre de civilisation. Les écrivains de toutes les races seront avec vous et je me mets à votre disposition pour toutes les manifestations à réaliser en Portugal.

Archer de Lima,
secrétaire de la Société (Lisbonne).

Прошу васъ принять согласіе португальскаго Общества литераторовъ и артистовъ на защиту бѣдной жертвы, Маріи Спиридоновой. Вы можете быть увѣрены въ нашемъ чувствѣ сострадания, которое объединяетъ умы всѣхъ странъ въ дѣлѣ цивилизаціи. Писатели всѣхъ расъ будутъ съ вами, и я предоставляю себя

въ ваше распоряженіе для всѣхъ манифестацій, которыя будутъ имѣть мѣсто въ Португаліи.

Аркеръ де Лима,
секретарь Общества (Лиссабонъ).

Je m'empresse de vous envoyer mon adhèsion à la protestation organisée par mm. Paul et Victor Margueritte contre l'éxécution de Marie Spiridonoff, en dépit du peu d'attachement qu'elle peut avoir elle-même conservée pour la vie après les tortures qu'elle a subies.

P. Lebesque, publiciste.

Спѣшу отослать вамъ свое согласіе на протестъ, возбужденный гг. Полемъ и Викторомъ Маргеритъ, противъ казни Маріи Спиридоновой, хотя послѣ мученій, которыя она перенесла, у ней самой, можетъ-быть, мало стремленія сохранить жизнь.

П. Лебескъ, публицистъ.

J'ai lu avec horreur et pitié les détails du supplice intligé à une femme, Marie Spiridonoff. Je m'associe de tout coeur à votre propagande humanitaire en vue de sa détrance et vous prie de joindre mon nom à votre liste.

E. Bondonneau, publiciste.

Я съ ужасомъ и состраданіемъ прочелъ подробности мученій женщины, Маріи Спиридоновой.

Я отъ всего сердца присоединяюсь къ Вашей гуманитарной пропагандѣ за ея освобожденіе и прошу присоединить и мое имя къ вашему списку.

Э. Бондонно, публицистъ.

Je vous serais reconnaissant de bien vouloir ajouter mon nom à ceux des signataires de votre protestation concernant Marie Spiridonoff. Il me semble utile que

ceux qui n'ont pas une mentalité de sauvage se groupent et se comptent. Dans notre société en putréfaction, ils sont en minorité, mais qu'importe! De ce fumier sortira le monde de demain.

A. Laisant,
ancien député, examinateur à l'Ecole polytechnique.

Я былъ бы признателенъ за присоединеніе моего имени къ именамъ подписавшихся подъ протестомъ въ пользу Маріи Спиридоновой. Мнѣ кажется полезнымъ, когда тѣ, у кого нравственность не дикарей, объединяются и пересчитываютъ себя.

Въ нашемъ разлагающемся обществѣ они въ меньшинствѣ, но это ничего не значитъ! Изъ этого разложенія выйдутъ люди будущаго.

А. Лезанъ,
бывшій депутатъ, экзаминаторъ въ политехнической школѣ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали суда надъ истязателями Спиридоновой: Аврамовымъ и Ждановымъ.

Мнѣніе общества было опредѣленно высказано на страницахъ газетъ и журналовъ и авторитетно требовало преданія палачей суду.

Къ этому требованію присоединились и западно-европейскіе друзья русскаго народа.

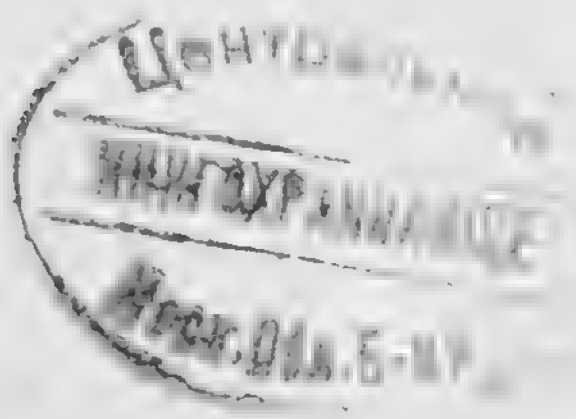
Но наше правительство всегда было глухо ко всему тому, что шло снизу: глухой шумъ зловѣщей бури не долеталъ до его ушей и ничѣмъ не нарушалъ его предсмертнаго покоя.

И вотъ, въ отвѣтъ на это молчаніе и бездѣйствіе правительства, изъ народа вышли мстители.

Послѣднія телеграммы принесли слѣдующія два извѣстія:

1. Въ Борисоглѣбскѣ, на Пасхѣ, нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера былъ убитъ казачій есаулъ Аврамовъ, когда онъ въ двѣнадцатомъ часу ночи возвращался съ вечеринки домой. Стрѣлявшій скрылся и до сихъ поръ не найденъ.

2. Въ Тамбовѣ выстрѣлами изъ револьвера двумя неизвѣстными былъ убитъ Ждановъ. Одинъ скрылся, другой задержанъ.

Мстители явились!

Они отомстили кровью за всѣ муки и страданія, перенесенныя молодой дѣвушкой, и показали правительству, что съ мнѣніемъ общества оно должно считаться, что игнорированіе общественнаго мнѣнія приводитъ къ роковому концу.